

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Департамент публичного права
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки / специальности)

Уголовно-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Кража, как одна из форм хищения: особенности, проблемы квалификации»

Обучающийся

Я.Е. Кельченкина

(Инициалы Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Тольятти 2025

Аннотация

Совершение действий, направленных на завладение чужим имуществом, на всех этапах развития было свойственно человечеству. По мере развития государства и права, эти действия стали получать юридическую оценку.

В настоящее время стабильное развитие экономики невозможно обеспечить без действенной правовой охраны собственности от криминальных посягательств. Сегодняшние преступления против собственности обретают все новые формы, совершаются новыми способами, чему способствует активное развитие информационных технологий.

Динамика имущественных отношений, эволюция их организационных форм, отражается на уголовно-правовых категориях в сфере защиты собственности, в том числе «кражи», «хищения чужого имущества» и др.

Некоторые законодательно закрепленные определения выведены еще уголовно-правовой теорией советского периода, и во многом они перестали соответствовать нынешним практическим потребностям. Такое понятие, как «хищение», излишне унифицировано для деяний, посягающих на собственность с корыстной целью, неточно определяет критерии соответствующих преступлений, а это обуславливает правовую неопределенность, которая в уголовном законе не должна иметь место. Обширные законодательные корректировки, касающиеся деяний против собственности, нарушили структурное единство норм, предусматривающих наказание за имущественные посягательства. Многие из них несовершенно, и, следовательно, они нуждаются в оптимизации. Кроме того, меняются некоторые правовые позиции высшего судебного органа РФ, которые, несомненно, найдут отражение в последующей правоприменительной практике.

Вышесказанное обуславливают актуальность тему настоящей бакалаврской работы.

Объектом исследования послужили уголовно-правовые отношения, складывающиеся в случае совершения субъектами тайного хищения чужого имущества.

Предметом бакалаврской работы стали нормы российского уголовного законодательства, предусматривающие ответственность как за тайное, так и за иные формы хищения чужого имущества. Кроме того, предметом исследования явились позиции Верховного Суда РФ, а также судебная практика в соответствующей сфере.

Цель исследования состоит в анализе привлечения к уголовной ответственности за совершение такой формы хищения, как кража, в выявлении проблем ее квалификации, а также разработке предложений по оптимизации уголовного закона РФ.

Данная цель потребовала разрешения комплекса наиболее важных задач исследования:

- рассмотреть понятие и признаки хищения чужого имущества;
- определить место кражи в системе форм хищения чужого имущества;
- исследовать особенности объективных признаков кражи;
- охарактеризовать субъективные признаки кражи;
- провести анализ наиболее актуальных вопросов судебной практики по делам о краже;
- выявить проблемы квалификации кражи;
- выработать возможные пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за кражу.

Структура бакалаврской работы определена исходя из ее цели и первоочередных задач. Она охватывает введение, три главы, объединившие семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	5
Глава 1 Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с хищением чужого имущества	8
1.1 Понятие и признаки хищения чужого имущества	8
1.2 Кража в системе форм хищения чужого имущества	16
Глава 2 Уголовно-правовая характеристика кражи	26
2.1 Особенности объективных признаков кражи	26
2.2 Субъективные признаки кражи.....	32
Глава 3 Практика привлечения к уголовной ответственности за кражу.....	41
3.1 Актуальные вопросы судебной практики по делам о краже.....	41
3.2 Проблемы квалификации кражи	49
3.3 Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за кражу	57
Заключение.....	65
Список используемой литературы и используемых источников	68

Введение

Совершение действий, направленных на завладение чужим имуществом, на всех этапах развития было свойственно человечеству. По мере развития государства и права, эти действия стали получать юридическую оценку.

В настоящее время стабильное развитие экономики невозможно обеспечить без действенной правовой охраны собственности от криминальных посягательств. Сегодняшние преступления против собственности обретают все новые формы, совершаются новыми способами, чему способствует активное развитие информационных технологий.

Динамика имущественных отношений, эволюция их организационных форм, отражается на уголовно-правовых категориях в сфере защиты собственности, в том числе «кражи», «хищения чужого имущества» и другие.

Некоторые законодательно закрепленные определения выведены еще уголовно-правовой теорией советского периода, и во многом они перестали соответствовать нынешним практическим потребностям. Такое понятие, как «хищение», излишне унифицировано для деяний, посягающих на собственность с корыстной целью, неточно определяет критерии соответствующих преступлений, а это обуславливает правовую неопределенность, которая в уголовном законе не должна иметь место. Обширные законодательные корректировки, касающиеся деяний против собственности, нарушили структурное единство норм, предусматривающих наказание за имущественные посягательства. Многие из них несовершенно, и, следовательно, они нуждаются в оптимизации. Кроме того, меняются некоторые правовые позиции высшего судебного органа РФ, которые несомненно, найдут отражение в последующей правоприменительной практике.

Вышесказанное обуславливают актуальность темы настоящей бакалаврской работы.

Особенности ответственности за кражу и прочие формы хищений издавна привлекали внимание ученых. В новейший период из различные аспекты исследовались, в частности: Р.У. Ахмедовым, А.И. Бойцовым, И.В. Григорьевой, О.М. Ивановой, И.А. Клепицким, С.М. Кочои, А.А. Красиковой, Н.А. Лопашенко, С.А. Петровым, Р.Е. Токарчуком, В.В. Хиллютой, П.С. Яни и другие.

Несмотря на существенный вклад данных авторов в развитие уголовно-правовой теории, нынешняя практика свидетельствует о потребности проведения новых исследований в этой области.

Объектом исследования послужили уголовно-правовые отношения, складывающиеся в случае совершения субъектами тайного хищения чужого имущества.

Предметом бакалаврской работы стали нормы российского уголовного законодательства, предусматривающие ответственность как за тайное, так и за иные формы хищения чужого имущества. Кроме того, предметом исследования явились позиции Верховного Суда РФ, а также судебная практика в соответствующей сфере.

Цель исследования состоит в анализе привлечения к уголовной ответственности за совершение такой формы хищения, как кража, в выявлении проблем ее квалификации, а также разработке предложений по оптимизации уголовного закона РФ.

Данная цель потребовала разрешения комплекса наиболее важных задач исследования:

- рассмотреть понятие и признаки хищения чужого имущества;
- определить место кражи в системе форм хищения чужого имущества;
- исследовать особенности объективных признаков кражи;
- охарактеризовать субъективные признаки кражи;
- провести анализ наиболее актуальных вопросов судебной практики по делам о краже;

- выявить проблемы квалификации кражи;
- выработать возможные пути совершенствования уголовного законодательства об ответственности за кражу.

Методами, примененными в работе стали как общенаучные, так и частно-научные методы познания: диалектический, исторический, логический, обобщение, сравнение, сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-логический, статистический, юридического толкования, правового моделирования и другие.

Научная новизна исследования подтверждается тем, что в нем с учетом последних корректировок уголовного закона, а также позиций, выработанных высшими судебными инстанциями РФ, проведен комплексный анализ особенностей и проблем привлечения к уголовной ответственности за кражу. Также новизна состоит в разработке обновленных дефиниций ряда уголовно-правовых категорий, в предложениях, направленных на совершенствование уголовного закона в части привлечения к ответственности за кражу, учитывающих наиболее актуальные потребности практики и современные особенности общественных отношений. Теоретическое значение исследования обусловлено тем, что, опираясь на его результаты появляется возможность проводить дальнейшие научные исследования в сфере привлечения к ответственности за хищения чужого имущества. Практическое значение исследования состоит в возможности использования его результатов в процессе корректировки уголовно-правовых норм. Теоретические выводы, сделанные автором, целесообразно использовать в образовательной деятельности, при составлении лекций, пособий, учебников и т.п.

Теоретическая основа работы базируется на трудах таких ученых, как: Агафонов Р.В., Винокуров В.Н., Есаков Г.А., Клепицкий И.А., Хилюта В.В.

Структура бакалаврской работы определена исходя из ее цели и первоочередных задач. Она охватывает введение, три главы, объединившие семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Теоретические основы уголовной ответственности за преступления, связанные с хищением чужого имущества

1.1 Понятие и признаки хищения чужого имущества

Существенная доля уголовно-наказуемых деяний против собственности приходится на хищения. Термин «хищение» является собирательным, посредством которого характеризуется совокупность криминальных деяний, обладающих комплексом общих критериев. Поскольку хищение не признается самостоятельным криминальным деянием, исследовать его состав представляется некорректным.

До того времени, как исследуемое понятие оказалось закреплено в советском уголовном законодательстве, оно активно анализировалось теоретиками. Отечественная доктрина пыталась выработать обобщенную дефиницию хищения, охватывающую комплекс признаков, свойственный всем формам хищений.

Одним из первых единую дефиницию предложил А.А. Пионтковский. По мнению ученого им являлось «умышленное незаконное обращение кем-либо государственного, колхозного или иного общественного имущества в свою собственность» [30, с. 307]. Отметим, что здесь имелось ввиду хищение общественного либо государственного имущества. Другим исследователем была выработана более объемная дефиниция, поскольку она содержала указание на формы хищения. Так, под хищением понималось «незаконное безвозмездное обращение с корыстной целью государственного или общественного имущества в свою собственность или передачу его с той же целью третьим лицам, которое совершается путем кражи, грабежа, разбоя, присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением и мошенничества» [29, с. 350].

В настоящее время дефиниция хищения содержится в ст. 158 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), а именно в примечании 1 к ней. Под

ним «понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества» [61].

Многие авторы указывают, что законодательное закрепление этого понятия весьма важно с точки зрения теории и практики. Оно способствует дифференциации уголовных посягательств на собственность и привлечению виновных к справедливой ответственности [10, с. 105].

Между тем, существует и иная точка зрения. Так, И.А. Клепицкий убежден, что законодательно закрепленное определение хищения, которое было выведено еще уголовно-правовой теорией советского периода, не соответствует нынешним практическим потребностям. По его мнению, определение излишне обобщено для деяний, посягающих на собственность с корыстной целью, неточно определяет критерии соответствующих преступлений, а это обуславливает правовую неопределенность, которая в уголовном законе не должна иметь место. Нередко правовые нормы, вразрез с принципом законности, используются по аналогии. Обширные законодательные корректировки, касающиеся деяний против собственности, нарушили структурное единство норм, предусматривающих наказание за имущественные посягательства. Ряд из них обладает, по мнению профессора, казуистичными и архаичными формулировками, а, соответственно, они нуждаются в совершенствовании. Как итог, И.А. Клепицкий предлагает отказаться от законодательного определения хищения, четко закрепив критерии кражи, присвоения имущества, мошенничества и прочих деяний против собственности. Ученый также предложил разработанную модель главы УК РФ, регламентирующую ответственность за совершение имущественных преступлений [22, с. 39].

Целесообразность изменений, предлагаемых И.А. Клепицким, будет более подробно нами проанализирована в последующих главах исследования.

Несмотря на то, что сегодня существует официальное определение хищения, доктрина не оставляет попыток его совершенствования. Исследователи формируют авторские дефиниции, как правило, путем обособления признаков хищения, число которых у разных теоретиков может отличаться.

Так, по мнению С.Ф. Милюкова хищением следует признавать «общественно опасное противоправное изъятие чужого имущества с целью распорядиться им как собственным либо обращение такового имущества в пользу виновного или других лиц» [55, с. 232].

Как «противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом, сопряженное с его изъятием из владения собственника или иного владельца, причинившее ущерб, совершенное с целью распоряжения им по усмотрению виновного» [50, с. 42], понимает хищение А.В. Голикова.

Вырабатывая официальное определение хищения, законодатель стремился охватить как можно больше признаков этого криминального деяния. Хищение следует рассматривать как многогранное явление, в процессе его квалификации потребуется разграничить противоправные и правомерные действия. Для установления в содеянном того или иного состава хищения, будет необходимо детально исследовать его специфику, способы совершения, чтобы исключить конкуренцию смежных составов.

Из дефиниции, закрепленной в УК РФ, возможно вывести ряд признаков хищения, а именно:

- корыстную цель;
- безвозмездность;
- противоправность;
- чужое имущество;
- его изъятие и (либо) обращение в пользу виновного либо иных субъектов;
- наличие ущерба, нанесенного собственнику (другому правомерному владельцу).

Рассмотрим их подробнее. Важный критерий хищения – реализация активных неправомерных актов, т.е. изъятие чужой собственности, ее обращение преступником в свою пользу, или в пользу третьих лиц.

А.Г. Брагина указывает, что виновный способен реализовать с имуществом такие незаконные действия:

- использовать похищенное чужое имущество по собственному усмотрению;
- завладеть чужим имуществом посредством физического перемещения из правомерного владения;
- изъять чужое имущество и обратить его в свою пользу [11, с. 32].

Виновный обретает возможность использовать похищенное имущество, получать выгоду из него, распоряжаться по своей воле. Вместе с этим, правомерный владелец вещи теряет над ней фактический контроль.

При хищении соответствующие неправомерные действия реализуются безвозмездно, так как стоимость похищенного законному обладателю не возмещается.

Виновный не обладает законными правомочиями на изъятые ценности, а его действия идут вразрез с положениями уголовного закона [26, с. 10].

В качестве неотъемлемого критерия всех форм хищений рассматривается корыстная цель. Виновный намеревается обеспечить себе возможность использовать похищенное чужое имущество по аналогии с его личным: применить в своих интересах, осуществить отчуждение иным лицам каким-либо способом.

Материальный ущерб законному владельцу является следствием действий виновного. Такая связь криминального умысла и причиненного вреда обуславливает характер уголовного посягательства.

Законный обладатель лишается возможности использовать имущество по причине его противоправного изъятия. Стоит отметить, что одно из отличий мошеннических действий от прочих форм хищения состоит в том, что

преступник, помимо материального имущества, может получить право на распоряжение чужой собственностью.

Четыре основных элемента объекта хищения отмечаются в доктрине. Так, по мнению С.М. Кочои, физические особенности похищенного определяет материальная составляющая. Рыночная цена похищенного обуславливается экономической ценностью. Правовой элемент состоит в том, что имущество по закону принадлежит иному субъекту. В то же время социальная составляющая свидетельствует о вложенных в имущество трудовых ресурсах человека (так, при совершении экологических преступлений посягательство направлено на природные богатства) [26, с. 13].

Если предположить, что определение хищения, основанное на его признаках, распространяется, помимо преступлений против собственности, на уголовно наказуемые посягательства из разных глав УК РФ, то при таком расширенном толковании возникает юридическая коллизия, не соответствующая ряду уголовно-правовых норм. В частности, в ст. 226 УК РФ корыстная цель не является обязательным критерием хищения боеприпасов, оружия и др.

Споры среди авторов также порождает критерий изъятия либо обращения имущества. Примененная в уголовном законе формулировка предполагает три варианта криминального деяния:

- неправомерное изъятие чужого имущества;
- его обращение в пользу виновного или других субъектов;
- изъятие и обращение этого имущества в интересах преступника либо иных лиц [37, с. 131].

Авторы указывают, что присвоение чужого имущества не может быть осуществлено без фактического завладения им [21, с. 51]. Непосредственно в этом видится главная цель деяния – получение абсолютного контроля над имущественными благами. Указанный контроль может быть получен двумя путями. Во-первых, преступник может изъять имущество из чужого правомерного владения. Во-вторых, противоправно распорядиться

ценностями, доверенными ему, состоящими в его распоряжении в соответствии с законом либо договоренностям. В последнем случае при квалификации деяния особых затруднений не появляется. В то же время категория «изъятие» вызывает споры как в доктрине, так и среди правоприменителей [28, с. 22].

В настоящее время актуализировались вопросы определения признаков, посредством которых можно было бы отграничить кражу от присвоения найденного. Проведем анализ некоторых примеров из практики судебных органов.

Анализ практики судебных органов свидетельствует о неоднозначности применения уголовного закона в аналогичных делах, а это заставляет усомниться в справедливости вынесенных приговоров. Во всех случаях мотивация видится весьма обусловленной, как правило, в отношении того, что хищение имущества должно быть вызвано непосредственно активными актами виновного. Пассивное поведение не должно признаваться элементом состава кражи чужих ценностей. В то же время, отсутствие единства в судебных приговорах позволяет усомниться в этом утверждении.

Так, Московский городской суд в одном из своих постановлений сделал вывод о наличии вины К. в краже. Она совершила присвоение смартфона, который собственник случайно оставил в торговом павильоне. Суд указал на ее бездействие по возврату обнаруженной вещи правомерному владельцу. Виновная сознательно завладела имуществом, будучи осведомленной о правах иного лица на смартфон. Данные в материалах дела указывают на то, что потерпевшая знала о месте нахождения забытого устройства, и желала его вернуть. Очевидно, что виновная должна была предполагать намерения законного владельца, но она не оповестила сотрудников торговой точки о находке, не ждала возвращения собственника, а удалилась с места происшествия с соответствующим имуществом.

Указанные действия свидетельствуют о нежелании К. вернуть устройство законному владельцу. Суд счел доказанным ее умысел на

неправомерное завладение имуществом в целях личного применения, идущее вразрез с правами и интересами собственника [1].

Между тем на практике существует разрозненность подходов к оценке действий субъекта, присвоившего оставленное собственником имущество. Такие действия могут быть квалифицированы как находка несмотря на то, что соответствующие ценности следует признать похищенным имуществом [63, с. 101].

Из материалов одного из дел следовало, что водитель такси имел сведения об утере пассажиром телефона в его автомобиле. Изначально попытки отыскать устройство не привели к успеху. Спустя некоторое время, проводя чистку салона, таксист обнаружил мобильное устройство и принял решение оставить вещь у себя. Мировой судья вынес приговор таксисту в соответствии с ч. 1 ст. 158 УК РФ, который впоследствии поддержала апелляционная инстанция.

Президиум Верховного суда РФ судебные акты отменил, основанием чего стало отсутствие состава уголовно-наказуемого деяния в действиях водителя. Было выявлено, что владелец сам утратил устройство, а водитель этому никак не способствовал. В то же время для квалификации содеянного в качестве кражи требуется наличие прямого умысла на хищение имущества. Обвиняемым не было реализовано действий, направленных на изъятие чужой собственности [1].

Важное значение для практики имеет Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12.04.2023 N 5П23 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств» [45], однако оно будет нами рассмотрено в последующих главах исследования.

По мнению Д.А. Корецкого, ошибочно говорить о невозможности квалификации деяния в качестве кражи, если виновный присвоил забытые ценности посредством пассивных действий. Как указывает ученый, изъятие состоит в выводе вещи из владения собственника в неправомерное обладание виновного. Здесь активная фаза незаконных действий состоит в сокрытии,

утаивании, невозвращении чужого имущества правомерному собственнику [23, с. 75].

Соответственно, виновный неправомерно присваивает ценности вразрез с желанием законного владельца, имущество оказывается в фактическом господстве виновного, а это – важный критерий хищения.

Представляется, что унификация хищения для всего УК РФ способствует появлению коллизий в случаях квалификации содеянного в соответствии с другими главами данного правового акта. В них предусмотрена ответственность за совершение посягательств, объективной стороне которых свойственны специфические признаки, не содержащиеся в унифицированной дефиниции. Соответственно, законодательный подход нуждается в совершенствовании по причине различной правовой природы хищений в составах данных преступлений [31, с. 250].

Практика региональных судебных органов не обладает единообразием, что идет вразрез с важнейшими принципами справедливости и равноправия. В таких условиях эффективное правосудие в нашей стране не может быть обеспечено.

Как вариант решения проблемы можно рассмотреть корректировку понятия хищения, путем изменения примечания 1 к ст. 158 УК РФ. Так, конструкцию «изъятие и (или) обращение» следует заменить понятием «завладение». Следует также упомянуть, что неправомерное завладение имуществом подразумевает дальнейшее распоряжение им и в случае изъятия объекта деяния, и без такового.

Для уголовно-правовых целей изъятие, помимо активных действий виновного, направленных на завладение чужим имуществом, охватывает и умышленное утаивание о факте его обнаружения, если имеется возможность оповещения законного обладателя. Устанавливая вероятность оповещения последнего, целесообразно исследовать все аспекты случившегося, специфику имущественных отношений, уровень информированности виновного об обстоятельствах убытия имущества из прежнего законного владения.

Разъяснения, касающиеся природы и сущности изъятия, могли бы способствовать выработке единообразия практики, устранить разногласия в толковании этого критерия хищения.

В процессе разбирательства дела немало проблем возникает при установлении осознания виновным факта неправомерного обращения в свою пользу чужого имущества. Все неясные моменты обращаются в пользу виновного, например, когда анализируются реальные возможности оповещения собственника о найденных ценностях. В отношении случаев, когда виновный информирован о личности законного собственника, судебные органы придерживаются единообразной практики.

1.2 Кража в системе форм хищения чужого имущества

Как уже было указано, термин «хищение» является собирательным, посредством которого характеризуется совокупность криминальных деяний, обладающих комплексом общих критериев.

Признаком, лежащим в основе разграничения хищений на отдельные формы, выступает способ реализации посягательства. Можно завладеть чужим имуществом и обратить его в пользу иных субъектов посредством обмана либо насильственным путем, открыто либо тайно и так далее. Неоспоримо, что конкретные способы совершения хищения обладают разной степенью социальной опасности. В частности, тайное обращение имущества в свою собственность произойдет без контакта виновного с потерпевшим и иными лицами. Их непосредственное столкновение в основном исключено. В то же время, при открытом хищении появляется возможность противостоять виновному, и обусловить возникновение прямого противостояния.

Неодинаковые по степени опасности способы совершения рассматриваемого посягательства, должны влечь применение разных мер наказания. Таким образом, способ совершения хищения заложен в фундамент дифференциации ответственности за него.

Проанализировав научную и учебную литературу, можно сделать вывод, что кража, разбой, грабеж, присвоение и растрата, а также мошенничество - общепризнанные формы хищения.

Авторы указывают, что среди всех форм хищения, кражу можно признать наиболее «безобидной» [60, с. 157]. Как следует из ст. 158 УК РФ, под ней следует понимать «тайное хищение чужого имущества» [61].

Тайным следует рассматривать такое хищение, которое «совершается в отсутствие собственника или иного владельца имущества и иных лиц: например, хищение автомобиля с пустынной улицы.

О краже можно говорить и тех случаях, когда изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного (или других лиц) происходит в присутствии владельца имущества или свидетелей, но незаметно для них: хищение кошелька из кармана потерпевшего.

Возможны ситуации, когда владелец имущества, а чаще иные лица, видят происходящее, но не осознают его как посягательство на собственность: свидетели встречают злоумышленника, выходящего с вещами из чужой квартиры, но убеждены, что познакомились с новым соседом. В подобных случаях также речь идет о тайном хищении.

Обязательным для кражи является то обстоятельство, что виновный сам считает, что действует тайно, убежден, что похищает имущество в отсутствие его владельца и других лиц, незаметно для них, либо указанные люди не осознают происходящего.

Если фактически завладение имуществом происходит открыто, но преступник ошибочно полагает, что действует тайно, его посягательство расценивается как кража. Так, вор, проникший ночью в квартиру и уверенный, что хозяева спят, совершает тайное хищение чужого имущества, даже если владельцы знают о его присутствии, но из страха себя не обнаруживают. Другими словами, когда объективные обстоятельства и субъективное представление о них виновного не совпадают, приоритет отдается субъективной стороне: действует принцип субъективного вменения.

Бывает, что умысел преступника относительно способа совершения хищения не конкретизирован: похититель не знает, действует он тайно или открыто, например, похищает товар в магазине «под прицелом» видеокамеры. Здесь действует общий принцип квалификации для неопределенного умысла: произошедшее оценивается по фактическим обстоятельствам. Если вор при помощи камер был замечен охранниками, хищение будет открытым (грабеж), если нет – тайным» [60, с. 157].

Когда «присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий либо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное следует квалифицировать как кражу чужого имущества. Если перечисленные лица принимали меры к пресечению хищения чужого имущества (например, требовали прекратить эти противоправные действия), то ответственность виновного за содеянное наступает по статье 161 УК РФ» [43].

Возможны и другие ситуации, когда хищение, начинавшееся тайно, обнаруживается собственником, иным владельцем или свидетелями и становится открытым. В таких случаях говорят, что кража переросла в грабеж.

Под грабежом законодатель понимает открытое хищение чужого имущества. «Открытым хищением чужого имущества, предусмотренным статьей 161 УК РФ (грабеж), является такое хищение, которое совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет» [43].

Как и для кражи, для грабежа существенны не только объективная характеристика способа хищения, но и содержание умысла виновного. Субъект преступления должен осознавать, что его действия обнаружены

собственником имущества и (или) свидетелями и правильно воспринимаются ими как хищение.

При расхождении объективного и субъективного критериев предпочтение отдается последнему. Если собственник и иные лица не осознают происходящее как хищение, а виновный уверен, что смысл его действий им понятен, содеянное должно квалифицироваться по ст. 161 УК РФ. Поскольку объективная сторона грабежа в данном случае реализована не полностью по независящим от субъекта преступления обстоятельствам (объективно хищение не было открытым для потерпевшего и свидетелей), требуется ссылка на ч. 3 ст. 30 УК РФ: произошедшее является покушением на грабеж.

Восприятие потерпевшим и свидетелями действий похитителя может меняться. Когда первоначально его манипуляции не были замечены или воспринимались как правомерные, а затем были осознаны как хищение, налицо перерастание кражи в грабеж. Содеянное оценивается только по ст. 161 УК РФ.

Обычный грабеж, не отягощенный специфическим квалифицирующим признаком, является ненасильственным преступлением. Злоумышленник открыто завладевает имуществом. Ему не приходится преодолевать сопротивление потерпевшего.

К простому (ненасильственному) грабежу принято относить, в частности, грабеж рывком: когда преступник резким движением срывает у потерпевшего с головы шапку, выхватывает из рук сумку, кошелек, телефон и тому подобное. Хотя внешне это посягательство носит агрессивный характер, злоумышленник направляет физическое усилие, помогающее совершить хищение, не на организм потерпевшего, а на его имущество [60, с. 163].

В основном «здоровье потерпевшего в этих случаях напрямую не страдает и повреждение здоровья не охватывается умыслом виновного.

Возможна ситуация, когда, например, при вырывании сумки из рук человек, державший ее, теряет равновесие, падает и его здоровью причиняется

тяжкий вред. Данное последствие не является закономерным для примененного способа хищения и не превращает этот способ в насильственный. Преступник относится к причиненному вреду здоровью неосторожно. В такой ситуации он будет отвечать за него по ст. 118 УК РФ» [60, с. 163].

Что касается разбоя (ст. 162 УК РФ), то это «наиболее опасная форма хищения. Отличающий ее способ - применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозы применения такого насилия.

Ближе всего разбой стоит к насильственному грабежу, но отличается от него видом насилия, которое применяет или которым угрожает злоумышленник. Если для насильственного грабежа, как уже говорилось, характерны насиллие, неопасное для жизни или здоровья, либо угроза таким насиллием, то для разбоя это насиллие, опасное для жизни или здоровья, либо соответствующая угроза.

Насиллие, опасное для жизни или здоровья, проявляется в причинении тяжкого, средней тяжести или легкого вреда здоровью потерпевшего.

Также опасным для жизни или здоровья признается насиллие, которое не повлекло указанных последствий, но в момент применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего (например, сдавливание горла шнурком, удерживание головы под водой, подвешивание над пропастью и тому подобное).

Опасным для жизни или здоровья насиллием считается и введение в организм потерпевшего против его воли или путем обмана сильнодействующего, ядовитого или одурманивающего вещества с целью приведения человека в беспомощное состояние» [60, с. 165].

Основной состав разбоя охватывает умышленное причинение легкого и средней тяжести вреда здоровью. Если в процессе разбойного нападения виновный умышленно причиняет потерпевшему любое из этих последствий, содеянное при отсутствии других квалифицирующих признаков охватывается ч. 1 ст. 162 УК РФ.

Причинение тяжкого вреда здоровью является квалифицирующим признаком разбоя и предполагает квалификацию по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

Если в ходе разбойного нападения потерпевшему умышленно причиняется тяжкий вред здоровью, влекущий затем смерть, к которой виновный относится неосторожно, содеянное оценивается по п. «в» ч. 4 ст. 162 и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Угроза применением насилия, опасного для жизни или здоровья, может выражаться вербально либо с использованием конклюдентных действий. Она должна восприниматься потерпевшим как реальная и имеющая возможность немедленно реализоваться.

По своей результативности такая угроза сопоставима с действительным применением соответствующего насилия. Воля потерпевшего здесь не ограничивается, а полностью подавляется. Нож, приставленный к горлу (угроза), так же «убедителен», как используемый для нанесения удара. Предпочитая угрозу реальному насилию, преступник экономит силы, не теряя в эффективности.

Все сказанное справедливо и в отношении угрозы насилием, неопасным для жизни или здоровья, используемой в насильственном грабеже» [60, с. 165].

Бывают ситуации, когда завладение имуществом сопряжено с угрозой применения насилия, носящей неопределенный характер. Пленум Верховного Суда РФ пояснил, что «в тех случаях, когда завладение имуществом соединено с угрозой применения насилия, носившей неопределенный характер, вопрос о признании в действиях лица грабежа или разбоя необходимо решать с учетом всех обстоятельств дела: места и времени совершения преступления, числа нападавших, характера предметов, которыми они угрожали потерпевшему, субъективного восприятия угрозы, совершения каких-либо конкретных демонстративных действий, свидетельствовавших о намерении нападавших применить физическое насилие, и т.п.» [43].

«Разбой – самая специфичная форма хищения. В науке остается дискуссионным вопрос о том, можно ли вообще отнести его к хищениям; и

если нет, то по своей природе является разбой преступлением против собственности или посягательством на личность» [60, с. 166].

Как указывают авторы, «термином мошенничество (ст. 159 УК РФ) в уголовном законе объединены два преступления – хищение и приобретение права на чужое имущество. Отличительным признаком мошенничества, выражающегося как в хищении, так и в приобретении права на чужое имущество, является способ - обман или злоупотребление доверием.

Обман принято делить на активный и пассивный. Активный обман предполагает целенаправленное создание у адресата ложного представления о тех или иных существенных обстоятельствах. Пассивный – умолчание о фактах, имеющих значение при принятии решения и неизвестных контрагенту» [60, с. 168].

«В развернутом виде эта классификация выглядит следующим образом. Активный обман может быть:

- словесным - когда виновный сообщает адресату те или иные ложные сведения, касающиеся фактов прошлого, настоящего или будущего;
- обманом действием – когда злоумышленник выражает свои намерения в конклюдентных (например, ношение формы) или иных (например, изменение внешнего вида предмета для выдачи его за другой при продаже) действиях.

Пассивный обман – это:

- заведомое сокрытие информации (например, о снижении стоимости товара, о его недостатках);
- заведомое для виновного использование ошибки другого лица (например, перевод оплаты за товар или услугу на ошибочно указанный счет, выдача кассиром сдачи в большем, чем требуется, размере)» [60, с. 169].

Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам: к

юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям и т.д.

Исследователи дифференцируют обманы исходя из содержания сообщаемых (либо утаиваемых) сведений.

- «в предмете преступления (например, сбыт грубой подделки денежных знаков, реализация поддельных ювелирных украшений);
- в намерениях (например, обещание вернуть кредит без намерения его исполнить);
- в различных фактах, событиях, явлениях и действиях (например, ложное сообщение о причинении ущерба и требование его возместить);
- относительно личности виновного (например, злоумышленник представляется руководителем благотворительного фонда, собирает пожертвования и исчезает; выдает себя за лицо, указанное в именной ценной бумаге, и получает по ней возмещение);
- в игре: встречается в действиях наперсточников, карточных шулеров и т.п.;
- с использованием гадания, в лечении и целительстве. Реализуя рассматриваемый способ мошенничества, злоумышленник может использовать поддельные официальные документы» [60, с. 171].

Способом совершения мошенничества, который обману составляет альтернативу, выступает злоупотребление доверием. Данный способ «заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельствами, например, служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим. Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц

чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства)» [44].

Статьей 160 УК РФ «предусмотрена ответственность за присвоение либо растрату. Последние являются двумя самостоятельными посягательствами, однако у них имеется немало общего.

Предметом обоих посягательств является вверенное имущество. Оно считается таковым, если находится в правомерном владении либо ведении лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляет полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении этого имущества.

Другими словами, основанием для вверения имущества могут быть трудовой договор или контракт, гражданско-правовой договор, специальное поручение (например, водителю автопарка вверен автомобиль, на котором он работает). Простое наличие у виновного доступа к имуществу не указывает на то, что оно ему вверено (например, слесарь автопарка, осматривающий автомобиль перед выпуском в рейс).

То обстоятельство, что имущество уже находится у лица на законном основании, при хищении избавляет от необходимости его изымать.

Объективная сторона присвоения и растраты предполагает действия только по обращению предмета преступления в пользу виновного или других лиц.

Общий способ – использование предоставленных злоумышленнику правомочий в отношении вверенного имущества» [60, с. 178].

Суть присвоения заключается в обращении преступником в свою пользу чужого имущества, которое ему было вверено. Посягательство «считается оконченным с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия,

направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства)» [44]. Что касается растраты, то она «предполагает обращение чужого имущества в пользу других лиц, а также противоправное расходование или потребление вверенного имущества виновным. Например, растратой является нецелевое расходование денежных средств, которые были переданы похитителю для приобретения конкретного товара или услуги» [60, с. 178].

Таким образом, обобщая изученное в первой главе, можно отметить, что некоторые формы хищений можно разграничить, возможно исключительно опираясь на критерии объективной стороны. Так, кража, грабеж, мошенничество, реализуются умышленно, субъект у данных деяний общий, характеризуются корыстными целями, посягают на один и тот же объект. Соответственно, отграничить данные посягательства друг от друга и осуществить их верную квалификацию, возможно исходя из объективной стороны, различно описываемой в соответствующих нормах УК РФ.

Конкретные способы совершения хищения обладают разной степенью социальной опасности. Тайное обращение имущества в свою собственность произойдет без контакта виновного с потерпевшим и иными лицами. В то же время, при открытом хищении появляется возможность противостоять виновному, и обусловить возникновение прямого противостояния. В связи с этим можно заключить, что из всех форм хищений кража обладает наименьшей степенью общественной опасности.

Глава 2 Уголовно-правовая характеристика кражи

2.1 Особенности объективных признаков кражи

Важнейшим признаком, имеющим значение для описания состава преступления, является объективная сторона. Как элемент состава преступления она характеризует внешнюю сторону общественно опасного посягательства, состоящего в тайном изъятии чужого имущества у собственника.

Исследование ст. 158 УК РФ способствует обособлению ряда критериев объективной стороны кражи:

- путем совершения действий виновный изымает не принадлежащее ему имущество;
- изъятие осуществляется тайно, безвозмездно и незаконно;
- в целях изъятия применяется способ, не связанный с насилием.

Кроме того, в Постановлении КС РФ от 12.01.2023 № 2-П (далее – Постановление КС РФ № 2-П) указано, что объективная сторона кражи найденной чужой вещи, в отношении которой нет оснований считать ее брошенной, выражается сложным деянием. Оно может состоять из завладения конкретным чужим имуществом, которое сопряжено с его утаиванием либо утаиванием его источника, специфических признаков, факта принадлежности иному субъекту, в целях скрытного присвоения или предоставления другим неуправомоченным субъектам, чем наносится ущерб правомерному владельцу этой вещи, а равно из скрытного завладения таким имуществом с аналогичными целями, если завладевший субъект был очевидцем потери и был способен оповестить правомерного владельца об этом факте и обеспечить возврат имущества. Также в Постановлении КС РФ № 2-П сказано, что установленный в нем конституционно-правовой смысл ч. 1 и п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 227 ГК РФ, необходимо рассматривать в качестве

обязательного, а, соответственно, на практике недопустимо их иное толкование [41].

Таким образом, как следует из Постановления КС РФ № 2-П, критериями кражи найденной вещи, опираясь на которые в настоящее время «присвоение найденного» становится уголовно-наказуемым, являются следующие:

- вещь заведомо находится в собственности другого субъекта, и нет оснований полагать, что он брошена;
- в состав деяния входит фактическое завладение обнаруженным имуществом;
- завладение сопровождается его утаиванием либо утаиванием его источника, специфических признаков, факта принадлежности иному субъекту (в то же время кражей является и ситуация, если завладевший субъект был очевидцем потери и был способен оповестить правомерного владельца об этом факте и обеспечить возврат имущества);
- цель завладения и утаивания заключается в присваивании вещи либо ее обращении пользу других субъектов;
- совершенное действие наносит ущерб правомерному владельцу соответствующей вещи.

Как указывают авторы, «ключевой категорией при описании объективной стороны является понятие «изъятие». Оно предполагает физическое отторжение имущества у собственника. Способ отторжения может быть самым разным и все их невозможно перечислить. Приведем некоторые примеры:

- проникновение в закрытое помещение и изъятие имущества в отсутствие собственников;
- проникновение в помещение через открытую дверь;
- кража транспортного средства.

Обязательным признаком кражи должна считаться противоправность действий преступника. Это означает, что никаких прав у похитителя на похищаемое имущество нет. Если же такие права есть, то нельзя вести речь о краже. Например, собственник имущества похищает предметы, находящиеся в совместной собственности. В этом случае преступление нельзя квалифицировать как кражу, так как для вора имущество должно быть чужим.

Данное покушение на имущественные права иных собственников следует квалифицировать как самоуправство (ст. 330 УК РФ). Также нельзя считать кражей действия по изъятию совместного нажитого имущества супругов.

Хищение имущества в случае кражи совершается обязательно тайно.

Именно тайность позволяет отграничить кражу от иных смежных составов преступлений. Тайными являются действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в тот момент, когда никто этого не видит или не осознает, что совершается кража. Классическими примерами тайного хищения имущества является проникновение в жилое помещение в момент, когда проживающие лица отсутствуют» [24, с. 345].

Для признания хищения тайным также возможно признание ситуаций, в которых действия совершаются хотя и в присутствии людей, но не осознаются ими как преступные. В Постановлении Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» по этому поводу указано, что «в тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества» [43]. Например, в случае хищения вещей на пляже отдыхающий может наблюдать за преступником, но сам преступник думает, что никто его не видит.

«Будет тайным и хищение, если есть свидетели деяния, которые не осознают его противоправности. Например, тайным будет хищение на глазах у невменяемого, малолетнего, который в силу возрастного или психического

развития не способен осознавать общественно опасный характер происходящего.

Будет признано тайным хищение, если свидетелем преступления был супруг или иной близкий родственник или знакомый похитителя. Не имеет значения уровень его вменяемости в момент кражи. Если он наблюдает за происходящим и не предпринимает меры к задержанию, значит имеет место кража. Такой подход связан с тем, что родственник не признается свидетелем преступления, так как является заинтересованным лицом. Этой позиции строго придерживается и судебная практика. Так, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала кражей действия З., который в присутствии своей знакомой М. совершил кражу телефона. Совершая хищение, З. осознавал, что М. для него является близким человеком, и был уверен в сохранении тайны хищения» [24, с. 346].

Отмечается, что «признаком хищения является безвозмездность изъятия и обращения чужого имущества. Это означает, что за изъятое имущество преступник не предоставляет какого-либо эквивалентного возмещения (денежного или натурального). Если за изъятое имущество предоставлена оплата, равная стоимости предмета, то вопрос о краже становится спорным.

В результате совершения кражи собственнику причиняется имущественный ущерб. В этом заключаются последствия совершения преступления, раскрывающие сущность объективной стороны кражи. Ущерб оценивается по реально произведенным затратам, связанным с его приобретением и владением. Ценность имущества определяется в рыночных ценах на конкретный момент времени. Кража чайной пары мейсенского фарфора оценивается не по стоимости фарфоровой чашки, а по ее оценке на рынке антиквариата в конкретный момент времени. Ущерб от кражи оценивается только по ее номинальной стоимости. При этом не могут быть оценены такие возможные убытки как упущенная выгода или стоимость извлечения полезных свойств предмета» [24, с. 346]. Под упущенной выгодой в гражданском праве понимается «неполученный доход, на который

увеличилась бы имущественная масса лица, право которого нарушено, если бы нарушения не было» [42]. В уголовном праве действия оцениваются ретроспективно, а не перспективно. Поэтому будущие предполагаемые доходы не оцениваются.

Несмотря на это, «в перспективе можно было бы допустить при совершении кражи требовать и неполученной выгоды от использования собственного имущества. Собственник имущества, пользуясь арендованным имуществом или имея вклады в банках, должен иметь возможность извлекать пользу из имеющихся доходов. Если в результате действий субъекта преступления потерпевший лишается возможности пользоваться теми благами, которое дает ему собственное имущество, то необходимо допустить и возможность компенсации собственных потерь» [15, с. 154].

В целях «получения возмещения собственнику следует доказать, что за период до совершения кражи он имел определенный ущерб, связанный с извлечением доходов, связанных с эксплуатацией похищенного имущества. Также должны быть представлены доказательства, что в результате преступления пострадавшим не были получены доходы. При наличии таких расчетов он мог бы претендовать на возмещение упущенной выгоды и недополученных доходов. Представляется, что соответствующие разъяснения должны быть приведены в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое в следующей редакции: потерпевший может претендовать на возмещение упущенной выгоды, если докажет, что она действительно могла быть получена» [24, с. 347].

В науке отмечается, что «уголовно-правовое значение для квалификации кражи приобретает правильное установление момента окончания преступления. Анализ содержания статьи 158 УК РФ позволяет отнести ее к материальным составам преступления. Это означает, что она признается оконченной в тот момент, когда преступник, изъяв имущество, получил возможность распорядиться им по своему усмотрению.

Если виновный не смог распорядиться полученным незаконно имуществом, то необходимо квалифицировать деяние как покушение на кражу. В этом случае материальный состав кражи окажется не до конца реализованным. Если виновный не смог распорядиться полученным незаконно имуществом, то необходимо квалифицировать деяние как покушение на кражу. В этом случае материальный состав кражи окажется не до конца реализованным.

Еще одним важным элементом объективной стороны является причинная связь между действиями виновного в краже и наступившими последствиями. В теории уголовного права под причинной связью понимают объективно существующую связь между общественно опасным деянием и наступившим последствием. Обязательным условием установления причинной связи является факт наступления последствий после самого деяния» [24, с. 348].

В литературе указывают, что «признаками установления причинной связи между деянием и последствиями являются:

- первым наступает само событие (тайное похищение имущества), а затем наступают последствия, характеризующие возможность причинения ущерба в виде лишения собственности на какие-либо материальные предметы владельца имущества;
- для установления необходимой причинной связи всегда следует выяснить реальную возможность наступления рассматриваемого события от совершенного действия. В момент совершения лицом общественно опасного деяния в объективной действительности создается реальная возможность наступления последствий, предусмотренных в диспозиции уголовно-правовой нормы;
- неизбежность наступления последствий. Наступивший преступный результат в виде причинения имущественного ущерба должен являться необходимым последствием совершенного деяния и

отсутствуют иные возможные варианты развертывания события» [24, с. 349].

Таким образом, объективная сторона кражи характеризует совершенное деяние в виде тайного изъятия имущества, а также наступившие последствия в виде имущественного ущерба и причинную связь между ними. Исследование ст. 158 УК РФ способствует обособлению ряда критериев объективной стороны кражи: путем совершения действий виновный изымает не принадлежащее ему имущество; изъятие осуществляется тайно, безвозмездно и незаконно; в целях изъятия применяется способ, не связанный с насилием.

В свою очередь, критериями кражи найденной вещи являются следующие: вещь заведомо находится в собственности другого субъекта, и нет оснований полагать, что он брошена; в состав деяния входит фактическое завладение обнаруженным имуществом; завладение сопровождается его утаиванием либо утаиванием его источника, специфических признаков, факта принадлежности иному субъекту; цель завладения и утаивания заключается в присваивании вещи либо ее обращении пользу других субъектов; совершенное действие наносит ущерб правомерному владельцу соответствующей вещи.

2.2 Субъективные признаки кражи

Исследование субъективных признаков кражи целесообразно начать с выяснения сущности субъективной стороны как элемента состава уголовного преступления. Е.Л. Стрельцов указывает, что субъективная сторона – внутренняя сторона преступления, дающая возможность выявить психологическое отношение лица к совершенному им общественно опасному деянию и его последствиям [57, с. 16].

А.А. Телицын указывает, что «важно подчеркнуть, что установление субъективной стороны необходимо не только при решении вопроса о наличии состава уголовного преступления в действиях конкретного лица.

Установление признаков субъективной стороны также необходимо при квалификации уголовных преступлений, при разграничении уголовных преступлений, особенно тех, которые являются смежными по объективным признакам. Психическое отношение лица к совершению им соответствующих деяний дает возможность более точно установить характер и степень общественной опасности соответствующего деяния, что позволяет достаточно адекватно индивидуализировать наказание, назначенное виновному лицу. Также необходимо добавить, что установление мотива и цели совершения уголовного преступления виновным лицом дает возможность более точно установить причину таких деяний и наметить необходимые превентивные меры. Такая, условно говоря, универсальность субъективной стороны позволяет отдельным исследователям утверждать, что она – не только отдельный элемент состава уголовного преступления, но и совокупность всех объективных и субъективных обстоятельств, которые «позволяют» конкретному человеку демонстрировать свое негативное отношение к ценностям общества. При всей дискуссионности этого тезиса нужно сказать, что такой взгляд дополнительно расширяет понимание субъективной стороны» [58, с. 79].

«Субъективная сторона большинства уголовных преступлений против собственности (кражи) характеризуется виной в форме прямого умысла. Обязательным признаками большинства уголовных преступлений против собственности, в частности кражи, является корыстный мотив и цель. Обычно, именно для собственного обогащения или для обогащения отдельных избранных виновным лиц и совершается посягательство на собственность. Корыстную цель понимают, как желание виновного лично обогатиться или его стремление улучшить материальное положение лиц, в судьбе которых он по тем или иным основаниям заинтересован.

Субъективная сторона преступлений против собственности, в виде изъятия чужого имущества (кражи), предусматривает вину в форме умысла. Корыстная цель является обязательным признаком субъективной стороны

кражи. Следует заметить, что особо подробно исследование научных позиций по признанию корыстного мотива и цели признаками хищения совершил И.В. Черненко. Он основательно проанализировал высказанные в уголовно-правовой литературе подходы и высказал собственное видения по каждому из них. Однако он склонялся к научной позиции, в соответствии с которой корыстность присуща хищениям» [58, с. 79].

В рамках работ теоретиков, в отношении «субъективных признаков хищения, безапелляционно утверждается, что такими признаками являются: прямой умысел, корыстный мотив и цель. Именно эти признаки, по мнению большинства ученых, свойственны всем без исключения хищениям, в том числе и краже. В то же время даже в советской уголовно-правовой науке были исследователи, которые не соглашались с устоявшейся позицией и высказывали сомнения относительно целесообразности отнесения определенных признаков к обязательным в хищениях. Так, активно отстаивалась позиция о нецелесообразности отнесения корыстного мотива и цели к обязательным признакам хищения. Однако, эта позиция не нашла достаточной поддержки в научных кругах, и среди субъективных признаков хищения, наряду с виной в форме прямого умысла, закрепились корыстный мотив и цель» [58, с. 79].

В то же время, «в зависимости от направленности, степени определенности представления субъекта преступления о фактических и социально значимых свойствах своего деяния, а также о его последствиях принято выделять конкретизированный умысел, который, в свою очередь, делится на простой и альтернативный, а также неконкретизированный [59, с. 45].

Между тем существует иное мнение, согласно которому альтернативный умысел является самостоятельной формой в зависимости от степени предвидения общественно опасных последствий деяния, а не разновидностью конкретизированного. При таком подходе умысел подразделяется на конкретизированный, неконкретизированный и

альтернативный. Конкретизированный умысел характеризуется наличием у виновного точного представления о количественных и качественных последствиях деяния. При альтернативном умысле лицо допускает одинаковую вероятность наступления двух или более конкретных общественно опасных последствий, одни из которых могут быть желаемыми, другие допускаемыми [38, с. 28]. При неконкретизированном, как и при любом другом виде умысла, виновный осознает общественную опасность деяния, но имеет не индивидуально-определенное, а обобщенное представление относительно обязательных признаков деяния и последствий, которые являются для субъекта желаемыми либо допускаемыми» [65, с. 46].

В то же время, «следует различать количественно и качественно неконкретизированный умысел. Количественно неопределенный умысел предполагает наличие у виновного лица субъективного безразличия, общего, вероятностного представления о степени уголовно-правовой значимости деяния и последствий. Применительно к хищениям подобная разновидность неконкретизированного умысла связана с обобщенным представлением о видовых признаках предмета посягательства, их количестве, возможности отнесения ущерба к определенной уголовно-правовой категории (значительный, крупный, особо крупный), способе достижения преступного результата (тайно, открыто, с насилием и т.п.).

Качественно неконкретизированный умысел предполагает наличие у виновного лица субъективной неопределенности в характере последствий деяния. Применительно к хищениям это означает наличие у виновного субъективного безразличия к стоимости предмета посягательства как к критерию разграничения уголовной и административной ответственности или преступления и деяния в силу малозначительности, не представляющего общественной опасности» [65, с. 47].

Таким образом, «если субъект планирует при совершении хищения изъять любое имущество в уголовно значимом размере, но имеет лишь общее представление о его физических свойствах (количестве, видовых признаках)

либо способе совершения, содеянное следует рассматривать как преступление с количественно неконкретизированным умыслом. Если же субъект при совершении покушения на хищение безразлично относится к стоимости предмета посягательства, допуская изъятие имущества, влекущего наступление административной ответственности или в силу малозначительности не представляющего общественную опасность, то он действует с качественно неконкретизированным умыслом.

Деление умысла на виды в зависимости от степени определенности представления субъекта о свойствах деяния, а также его последствиях имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. В зависимости от вида умысла в доктрине существуют определенные правила квалификации» [65, с. 47].

В случае реализации деяния «с простым конкретизированным умыслом содеянное квалифицируют по его направленности, при неконкретизированном умысле – по фактически наступившим последствиям. Относительно альтернативного умысла единое мнение отсутствует и предлагается квалифицировать содеянное по фактически наступившим последствиям либо по наиболее или, наоборот, наименее тяжкому из допускаемых (желаемых) последствий» [65, с. 47]. Весьма подробно проблемы квалификации уголовно-наказуемых деяний при выявлении неопределенного и альтернативного умысла, анализирует в своей работе В.В. Хилюта [64].

Неверное определение вида умысла влечет ошибочное применение правил квалификации и изменение судебного решения.

Исследователи отмечают, что «в основном проблемы при квалификации хищений, совершенных с неконкретизированным умыслом, возникают в случаях незавершенности реализации намерений субъекта или нерезультативности деяния. Сказанное обусловлено тем, что при совершении оконченного преступления с неконкретизированным умыслом происходит объективизация намерений и очевидно, что виновный должен понести ответственность в зависимости от фактически наступивших последствий.

Правоприменитель игнорирует необходимость квалификации по фактически наступившим последствиям действий лица, совершившего с неконкретизированным умыслом относительно окончательной суммы и количества фактов оплаты товаров в магазинах чужой банковской картой, которые в какой-то момент пресекаются потерпевшим путем блокирования доступа к счету» [65, с. 48].

Как правило, «подобные случаи квалифицируются по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а предмет хищения, на который посягало лицо, определяется либо исходя из совокупности денежных средств на счете до завладения банковской картой, либо как результат сложения удавшихся и неудавшихся покупок. Данная квалификация основана на ошибочном представлении о совершении преступления с конкретизированным умыслом. Лицо, завладевшее банковской картой, планирует с ее помощью совершать хищение денежных средств с банковского счета путем оплаты товаров в магазинах. Как правило, лицо не осведомлено о размере средств на счете, действует ситуационно и имеет обобщенное представление о пределах и периоде своего противоправного использования банковской карты в качестве средства совершения преступления, то есть действует с неконкретизированным умыслом.

Лишь в единичных случаях правоприменитель дает верную юридическую оценку, используя правило квалификации преступлений с неконкретизированным умыслом по фактически наступившим последствиям при незавершенности намерений субъекта» [65, с. 48].

Например, субъект нашел платежную карту, утраченную Ж., и два раза заплатил за покупки на 1,5 тыс. рублей. При следующей оплате операция оказалась отклонена, поскольку потерпевшая заблокировала карту. Вынося приговор по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ было отмечено, что, «поскольку умысел К. не был конкретизирован относительно стоимости всего похищаемого имущества, его деяние как продолжаемое хищение в соответствии с ч. 1 ст. 29

УК РФ являлось оконченным в момент, когда им в последний раз было изъято чужое имущество» [53].

Однако квалификация содеянного при неконкретизированном умысле по фактически наступившим последствиям неприменима к безрезультативным преступлениям. В связи с этим в теории предлагается следующее правило квалификации неоконченного хищения с неопределенным умыслом: «лицо несет ответственность за покушение на причинение наименее тяжких последствий из входящих в предвидение лица, которое находит отражение в правоприменительной практике» [65, с. 48].

Дальнейший анализ правоприменительной практики показывает, что по подавляющему большинству уголовных дел, связанных с покушением на квалифицированные виды кражи, мошенничества, присвоения и растраты, а также грабеж и разбой, совершенные с качественно неконкретизированным умыслом, судами принимаются решения о прекращении производства ввиду отсутствия состава преступления, возвращении уголовного дела прокурору.

Принимая подобные решения, суды ссылаются на положения уголовно-процессуального законодательства. Представляется, что требование о необходимости указания в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого (обвинительном заключении) конкретного вида имущества и его стоимости по делам, связанным с неоконченным хищением имущества при неопределенном умысле, основано на чрезмерно широком понимании положений п. 4 ч. 1 ст. 73, п. 4 ч. 2 ст. 171, п. 3 ч. 1 ст. 220, п. 4 ч. 1 ст. 225, ч. 1 ст. 226.7, п. 1 ст. 307 УПК РФ [65].

Таким образом, имеющаяся практика связана с плохой проработкой правил квалификации покушений на кражу с неконкретизированным умыслом, отсутствием их закрепления в разъяснительных актах Пленума ВС РФ.

Полагаем, что по итогам исследования данного аспекта субъективной стороны кражи, следует согласиться со следующими выводами.

- «при наличии промежуточного результата и незавершенности преступных намерений субъекта, действовавшего с прямым неконкретизированным умыслом на хищение имущества, ответственность наступает по фактически наступившим последствиям;
- при совершении безрезультативного неоконченного хищения с количественно неконкретизированным умыслом лицо несет ответственность за покушение на причинение наименее тяжких последствий из входящих в предвидение лица;
- поскольку стоимость имущества является одним из критериев для разграничения административной и уголовной ответственности, наступление последней за безрезультативные покушения на неквалифицированные виды кражи с качественно неконкретизированным умыслом невозможно;
- уголовная ответственность в рамках гл. 21 УК РФ за нерезультативные покушения на квалифицированные виды кражи, совершенные с качественно неконкретизированным умыслом, наступает только при условии отсутствия признаков малозначительности деяния. Переквалификация неудавшихся хищений из жилых помещений с качественно неконкретизированным умыслом с ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 158 на ч. 1 ст. 139 УК РФ возможна в тех случаях, если деяние, связанное с посягательством на собственность, будет признано малозначительным либо возникнут неустранимые сомнения в возможности признания его таковым;
- требования п. 4 ч. 1 ст. 73, п. 4 ч. 2 ст. 171, п. 3 ч. 1 ст. 220, п. 4 ч. 1 ст. 225, ч. 1 ст. 226.7, п. 1 ст. 307 УПК РФ предполагают определение характера и размера имущественного вреда (последствий) лишь по оконченным преступлениям с материальным составом. Отсутствие в обвинении по рассматриваемой категории уголовных дел указания

на стоимость и вид имущества, которое намеревались похитить осужденные, не служит препятствием его рассмотрения судом (ст. 237 УПК РФ), вынесения реабилитирующего решения на основании п. 1 и 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ» [65, с. 51].

В завершении второй главы следует указать, что субъектом преступления, квалифицируемого по ч. 1 ст. 158 УК РФ выступает вменяемое физическое лицо, которое на момент его совершения достигло 14 лет (возраста уголовной ответственности). С субъективной стороны кража характеризуется умышленной формой вины. При этом обязательным признаком рассматривается корыстный мотив и цель.

Практика показала, что умысел при совершении кражи, может быть, нескольких видов, и его верное определение может отразиться на итоговом приговоре суда. Только по рамках единичных дел имеет место верная правовая оценка, и применяется правило квалификации деяний с неконкретизированным умыслом в соответствии с последствиями деяния при незавершенности цели виновного. Разрозненность практики связана с плохой проработкой правил квалификации покушений на кражу с неконкретизированным умыслом, отсутствием их закрепления в разъяснительных актах Пленума ВС РФ.

Глава 3 Практика привлечения к уголовной ответственности за кражу

3.1 Актуальные вопросы судебной практики по делам о краже

После вынесения Постановления КС РФ № 2-П прошло два года, а, соответственно, уже имеется основанная на нем судебная практика. В рамках настоящего параграфа рассмотрим наиболее интересные решения и тенденции.

Остановимся на том Определении ВС РФ, что вкупе с актами нижестоящих инстанций позволяет говорить о тенденциях разграничения находки и кражи.

Так, из материалов следует, что будучи в магазине, обвиняемая А. в одном из его отделов обнаружила десять тысяч рублей лежавшими на полу. Купюры гражданка взяла и переместила в карман верхней одежды. Впоследствии ни к охранникам, ни к продавцам в магазине она не обратилась, в полицию по поводу находки не заявила, поскольку испытывала нехватку денежных средств. В этом деле ВС РФ, отменяя постановление кассационной инстанции, в т. ч. предложил последней соотнести действия обвиняемой с Постановлением КС № 2-П (при анализе рассматриваемых действий весьма важна позиция КС РФ о том, что обычное неисполнение действий, указанных в п. 1 и п. 2 ст. 227 ГК РФ, когда они не характеризуются обозначенными признаками, не предоставляет возможности наступления ответственности за совершение кражи [32]).

В итоге Третьим кассационным судом приговор и апелляционное постановление оказались отменены, а дело подлежало новому рассмотрению [47]. В результате вновь был вынесен обвинительный приговор, а в частности, апелляционный суд, обосновывая его отметил, что «судом первой инстанции установлено, что начатые как правомерные действия А., заключающиеся в обнаружении на территории гипермаркета «Лента»

денежных средств в размере 10000 рублей, переросли в действия, свидетельствующие о возникновении у нее умысла на хищение данного имущества и наличии корыстной цели, в связи с чем утратили признаки правомерности и вышли за пределы гражданско-правовых отношений... Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ... поскольку конкретное правоотношение возникает, протекает, изменяется или прекращается в определенный промежуток времени, по этому же правилу следует оценивать факты и обстоятельства, имевшие место в период совершения действий (бездействия) и характеризующие деяние. Как следует из материалов уголовного дела, в период времени с 20 часов 00 минут ДД.ММ.ГГГГ до момента установления личности А. как лица, подозреваемого в совершении преступления, последняя не предприняла фактических действенных мер по возвращению имущества собственнику, как это предписано ст. 227 ГК РФ, впоследствии не сообщила об обнаружении денежных средств администрации магазина, в полицию или орган местного самоуправления, и вопреки доводу защитника не приняла фактических иных мер к возвращению денежных средств владельцу, обратила их в свою собственность и в дальнейшем распорядилась по своему усмотрению. Суд апелляционной инстанции соглашается с выводами суда первой инстанции о том, что если лицо, обнаружившее найденную вещь, наряду с невыполнением (воздержанием от) действий, предусмотренных ст. 227 ГК РФ, совершает сокрытие найденной вещи (в тайнике, в своих вещах, в одежде, путем передачи другому лицу в целях сокрытия и так далее) либо сокрытие (уничтожение) признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу (вытаскивает сим-карту из телефона, снимает чехол и так далее), то такое активное поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение этого имущества и о наличии корыстной цели, а потому деяние, начавшееся как внешне правомерная находка, может перерасти в преступление, утрачивая признаки

правомерности и предполагая уже не судебную защиту, а ответственность» [16, с. 9].

Стоит отметить, что подобные выводы имеют место и в рамках иных дел, касающихся нахождения денег [39].

По нашему мнению, во всех них рассмотрение деяния в качестве кражи было в первую очередь связано не с обычным неисполнением гражданских обязанностей (хотя на этот факт суды также обращают внимание), а с оснащением территорий видеокамерами, которые способствовали выявлению виновных лиц. Иначе говоря, обозримость местности, способствующая вычислению и собственника финансов, и субъекта, их обнаружившего, по убеждению судебных органов обуславливает необходимость квалификации деяния в качестве кражи.

В то же время суды отмечают дополнительный аргумент, который в сущности является расширительным толкованием указанных КС РФ активных действий, направленных на утаивание. На первый взгляд, обычное поднятие средств и перемещение их в сумку или карман весьма различается, в частности, с изъятием из смартфона сим-карты, тем не менее, у правоприменителя иное мнение.

Полагаем, что подобная практика сложилась в том числе из практики квалификации в качестве кражи фактов присвоения денег, которые клиенты случайно забывали в банкоматах. Правоприменитель и ранее рассматривал такие деяния кражей, обосновывая это тем, что подобные финансовые средства не являются потерянными, а лишь забыты законными владельцами [2]. Параллельно с этим, судебные органы учитывают обозримость посредством видеокамер местности, в пределах которой расположены банкоматы кредитных организаций.

В качестве кражи было рассмотрено присвоение сумки с рабочими инструментами парикмахера в общественном транспорте. В соответствующем решении также виден учет судом публичности места, а также расширенное толкование активных действий, связанных с утаиванием. В частности, было

указано, что «осознавая, что данное имущество ему не принадлежит, и оно не является брошенным, учитывая место его обнаружения, вместе с тем с целью хищения чужого имущества, Р. скрыл данную информацию от иных пассажиров и водителя... поместил пакет с его содержимым в свою сумку, после чего покинул салон автобуса на остановке... тем самым обратил имущество Ф.И.О.8 в свою собственность» [48].

Стоит упомянуть два аналогичных дела, по итогам рассмотрения которых приняты разные решения.

Так, в лесной зоне на месте старых гаражей лица обнаружили металлические изделия. Апелляционный суд вынес оправдательный приговор и отметил, что обстоятельства выявления обвиняемыми этих изделий и местность, на которой они их собирали (не было официальной информации о принадлежности земли в реестре, металлолом располагался в пределах лесной зоны без обозначения пределов участка, отдельные предметы были ржавыми, находились в земле рядом с мусорной свалкой), свидетельствуют об отсутствии хищения. Имущество было для обвиняемых брошенным, а в отношении подобного имущества не может быть совершено хищение, поскольку нет на это умысла и корыстной цели [6].

В рамках иного дела, указывая на целесообразность обвинительного приговора, судом было отмечено, что «осужденные осознавали принадлежность похищенного имущества подразделению железной дороги, об этом свидетельствуют в том числе предметы хищения (отрезки рельс, железнодорожные подкладки, костыли, шурупы, клеммы), а место и обстановка обнаружения этих предметов не давала оснований полагать, что собственник отказался от них, при этом осужденные не планировали поступить с найденным имуществом как с находкой в соответствии со ст. 227 ГК РФ, они намеревались сдать металлические изделия в пункт приема металла, получив за них деньги» [40].

Как можно обнаружить посредством анализа практики, правоприменитель признает оправдывающую роль действий, которые не

полностью соответствуют установленным ст. 227 ГК РФ обязанностям, однако указывают на стремление субъекта вернуть имущество законному владельцу.

Так, в рамках одного из дел, гражданин обнаружил смартфон в поезде дальнего следования, и «подумав, что кто-то из пассажиров потерял его, взял телефон, положил его в карман куртки, чтобы потом вернуть владельцу... Однако затем про телефон забыл, вспомнив о нем, только когда надевал куртку и почувствовал его в кармане. Около 00 часов 37 минут нажал на телефоне кнопку включения, на нем высветились смс-сообщения с номерами телефонов звонивших абонентов. С момента обнаружения телефона его не выключал, входящих звонков на телефон не слышал. Поскольку телефон был заблокирован, с другого телефона стали звонить на номера, указанные в смс-сообщениях. Ответившим он сообщил, что в поезде поднял телефон и желает его вернуть. Спустя час прибыли сотрудники полиции, которые изъяли телефон [49]. Очевидно, что эти действия не соответствуют формально требованиям ст. 227 ГК РФ, однако суд кассационной инстанции указывает, что, по существу, любое «активное поведение лица, нашедшего вещь (заявление о находке, поиски ее собственника, передача найденного владельцу помещения или транспорта либо его представителю и т.п.), исключает уголовную ответственность за ее хищение и служит законодательно конкретизированным критерием для разграничения правомерного и противоправного деяния» [49].

Если же рассматривать наиболее распространенные ситуации с обнаружением смартфонов в транспортных средствах, на улице и других местах, сопровождающиеся удалением сим-карты, то, как правило, подобные действия квалифицируются в качестве кражи [34].

По одному из дел в соответствии с апелляционным определением Б. была признана виновной по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Кассационная инстанция это определение отменила. Как следовало из материалов дела, Б. обнаружила сумку, не обладающую никакими особыми признаками, на одной из улиц и забрала ее себе с той целью, чтобы после решить, как поступить дальше.

Действия Б. оказались зафиксированы уличными видеокамерами, и кассационная инстанция сочла целесообразным рассматривать сумку утраченной, а не забытой. Гражданка «не видела момента оставления сумки потерпевшим; активных действий по изъятию сумки из владения собственника не совершала, а нашла сумку на улице в общедоступном месте, после того как она была утрачена потерпевшим; обстановка на месте обнаружения сумки, а также индивидуальные свойства сумки и находившихся в ней предметов давали Б. основания полагать, что сумка была потеряна собственником и окончательно выбыла из его обладания; сумка и ее содержимое не имели никаких индивидуальных признаков, позволяющих установить владельца с целью возвращения; с момента обнаружения сумки Б. на улице до момента ее изъятия сотрудниками полиции прошло незначительное время» [33].

Имеющиеся сегодняшние тенденции судебной практики свидетельствуют о существовании трех направлений.

Два из них касаются детализации правил квалификации стандартных случаев, указанных КС РФ в рамках Постановления № 2-П. В данном акте указывается три ситуации, но та, согласно которой субъект становится очевидцем потери имущества, способен оперативно оповестить правомерного владельца и обеспечить его возврат, однако не делает этого и тайно присваивает его, является распространенным случаем кражи.

Так, первое направление касается дифференциации забытого и потерянного имущества. Действия следует квалифицировать в качестве кражи, когда имущество утрачено в известном собственнику месте, он вполне способен вернуться за ним и забрать. Такая дифференциация – вопрос факта, и сегодня судебные органы придерживаются тенденции фиксации забытости имущества. Исходя из нее имущество, находящееся в общественном месте, тем более с предусмотренными видеокамерами, способствующими выявлению его владельца, предполагается забытым. Его взятие с отсутствием активных действий по выявлению собственника (в форме тех, что указаны

ст. 227 ГК РФ, либо некоторых других), и более того, с применением в собственных целях, необходимо квалифицировать в качестве кражи. Если говорить о том, какие именно места являются общественными, то безусловно, ими являются ограниченные общественные пространства (торговые павильоны, общественный транспорт, медицинские и учебные учреждения, места общественного питания). В то же время, на наш взгляд, небесспорно отнесение к общественным местам отдельных улиц, скверов и др., несмотря на то, что в этом случае может вызвать сомнение наличие камер наблюдения.

Второе направление развития практики касается того имущества, которое имеет специфические признаки, способствующие выявлению законного собственника. В этом случае можно увидеть расширительные подходы:

- к индивидуальным признакам, когда к подобному имуществу причисляются не только цифровые устройства;
- к активным действиям по утаиванию, если в качестве них рассматривают обычное бездействие (умолчание по поводу обнаруженного имущества).

Стоит отметить, что в литературе приводится более узкий подход к активным действиям по утаиванию [8, с. 6], тем не менее, правоприменитель избрал другой путь, который, в частности, предполагал В.В. Хилюта [62, с. 5].

В связи с этим предположение, что при утрате кошелька с денежными средствами (где помимо этого была визитка владельца с его номером телефона), связи имущества с собственником не наблюдается, исходя из чего содеянное не должно квалифицироваться в качестве хищения [9, с. 5], с учетом современной практики весьма оспоримо.

Аналогичное касается мнения другого ученого по поводу банковской карты [7, с. 6]. Если последняя не содержит данных о владельце, его без особого труда возможно выявить через соответствующий банк.

Указанные два направления нередко смешиваются, формируя отдельные случаи, в частности, с находкой наличных средств. Такой случай

находки был в предыдущие годы весьма распространен, а сегодня он выступает классическим случаем кражи чужого имущества.

Что касается третьей тенденции практики, то она имеет противоположный вектор, и касается указания на отсутствие признаков кражи, в т. ч. в иных случаях, а не только тех, если субъект исполнил действия по определению собственника имущества, указанные ст. 227 ГК РФ. Субъект может и не выполнить действий, соответствующих ст. 227 ГК РФ, но выразить очевидные намерения выявить законного собственника.

Можно сказать, что КС РФ следовало решить вопрос по поводу того, влечет ли игнорирование предписаний ст. 227 ГК РФ ответственность по ст. 158 УК РФ, либо же не за всякое игнорирование предписаний ст. 227 ГК РФ последует квалификация деяния в качестве кражи. Несмотря на то, что КС РФ указал на второй вариант, на практике судебные органы его существенно ограничивают.

Таким образом полагаем, что Постановление КС РФ № 2-П должно было повлечь сокращение тех случаев, когда опасаясь наказания, граждане лишь проходят мимо потерянного кем-то имущества, и не делают попыток вернуть его законному владельцу либо доставить в правоохранительные органы. Законодателю необходимо поощрять действия, нацеленные на обеспечение сохранности имущества в обороте, исключить пассивное отношение к чужому имуществу, поскольку в противном случае оно способно не только выбыть из владения на какой-то период, но и лишиться важных физических характеристик, прийти в негодность, а, следовательно, оно будет выведено из оборота и право собственности на него полностью прекратиться.

Между тем на практике этого не случилось, более того, можно наблюдать обратный эффект. В связи с этим представляется, что Пленуму ВС РФ необходимо уделить пристальное внимание и дать детализированные разъяснения по поводу разграничения кражи и находки.

3.2 Проблемы квалификации кражи

В практической деятельности нередко поднимается вопрос об обособленной квалификации изъятия безналичных средств с применением чужой банковской карты, поступившей в распоряжение виновного посредством кражи иного имущества. Например, это происходит в тех случаях, если произошла кража кошелька с наличными и банковской картой, а субъект, спустя некоторое время, используя последнюю начинает применять безналичные средства, находящиеся на счету.

Вопрос по поводу наличия в этих случаях оснований для квалификации содеянного по совокупности деяний (в т. ч. наказуемого по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ), по-разному решается на практике. Несмотря на то, что имущественный вред наносится одному лицу, правоприменитель нередко выявляет совокупность преступлений, в связи с тем, что полагает, – хищение безналичных средств (завладение чужим платежным средством) не тождественно краже иного имущества. Например, указывая, что краже безналичных средств присущ новый умысел, и на это указывают другие обстоятельства реализации криминального акта (иное место, время).

Например, кассационный суд отметил, что П., совершая кражу кошелька, не имел представления о помещенных в него банковских картах. Соответствующий умысел у виновного появился уже после изъятия чужого кошелька, а, следовательно, действия П. не возможно рассматривать в качестве единого посягательства [19].

В рамках иного дела было принято противоположное решение. Кража кошелька с кредитными картами и наличными средствами, а также совершенная после кражи с банковского счета – признаны продолжаемым уголовно-наказуемым деянием. Суд отметил, что действия касаются прав и интересов одного лица, совершены в один день. Несмотря на то, что при совершении кражи преступником была применена банковская карта, деяния

охватывал один умысел, и соответственно, наказание за них должно последовать согласно п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [20].

Факторы, влекущие разную оценку, касаются не только дифференциации совокупности деяний от продолжаемого хищения, несмотря на то, что может возникнуть впечатление о наличии лишь данной проблематики. Отсутствие единого взгляда на квалификацию обусловлено и иными обстоятельствами.

Так, при выявлении признаков продолжаемого хищения возникает проблема оценки действий субъекта, у которого не получилось распорядиться деньгами со счета, в качестве неоконченного деяния. В этом случае у виновного есть возможность использовать в своих целях иное украденное имущество, которое поступило в его распоряжение ранее, до попытки кражи безналичных средств. Также преградой для квалификации в качестве продолжаемого хищения нередко служит тот факт, что лицо может отказаться изымать деньги со счета.

В целях обоснования совокупности, судебные решения часто предусматривают ссылку на позиции ВС РФ по поводу момента окончания хищения. Например, в рамках одного дела предусматривалось, что кража окончена тогда, когда лицо получает непосредственную возможность распорядиться вещью по собственному усмотрению. Так, возможность применить украденный смартфон у Б. появилась в ресторане «Алиса», в то время как деньги со счета потерпевшей, Б. использовал в ином заведении [52].

Вместе с этим, проблемой является то, что для ряда форм хищений законодателем предусмотрена более строгая ответственность за акты в отношении безналичных средств. Выходит, что, если как продолжаемый грабеж квалифицированы действия, где кроме изъятия определенного имущества происходит изъятие финансовых средств путем использования похищенной карты, по наказуемости это деяние сопоставимо с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Однако общепризнано, что открытый способ хищения несет

большую общественную опасность. Случаи такой оценки имеются в правоприменительной деятельности.

Так, кассационный суд резюмировал, что содеянное Я. (изъятие сумки с различными вещами, включая кредитные карты, и дальнейшее распоряжение финансами) находилось под единым умыслом, обладало непрерывностью. Совершенные преступные действия, по мнению суда, были охвачены составом грабежа в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ [46].

Еще одна проблема касается того, что отсутствует единый подход к природе банковской карты как средства платежа. Самые распространенные правоприменительные точки зрения состоят в рассмотрении карты подобием ключа (средства доступа к имуществу), или – предметом посягательства.

Иногда судебные органы указывают, что банковская карта сама по себе не несет имущественной ценности, не имеет соответствующих свойств, не обладает признаками предмета хищения, является средством управления финансами, помещенными на банковский счет, а также средством доступа к соответствующему банковскому счету. Также исследование положений регулятивного законодательства наталкивает правоприменителя на вывод, что карты – это собственность банков-эмитентов, так как Положение, регулирующее эмиссию банковских карт, называет субъектов, применяющих электронные платежные средства, держателями.

Иная же точка зрения связана с тем, что предполагается прямая связь банковской карты и финансовыми средствами на ее счете. Иначе говоря, она рассматривается как средство материализации финансов. В этих случаях предметом преступления рассматривается платежная карта с размещенными на ней финансовыми средствами, а завладение такой картой указывает на существование объективной стороны кражи [3].

Отсутствие общих точек зрения на сущность банковской карты обуславливает дифференцированную оценку практических ситуаций. Если платежную карту считать предметом хищения, то при завладении ею можно вменять деяние, наказуемое по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Так, в судебном

решении отмечалось, что такой квалифицирующий признак состоял в том, что З. реализовал тайное хищение платежного средства из кармана пальто В., которое было на ней [51]. По аналогичному делу иной суд вынес противоположное решение и резюмировал, что призывая М. к уголовной ответственности за деяние в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, суд первой инстанции не принял во внимание, что украденная из верхней одежды платежная карта как таковая не обладает имущественной ценностью, и не может рассматриваться как предмет преступления [5].

Существует подход, что в рамках продолжаемого посягательства каждому деянию необходимо обладать критериями одного состава, а также однотипным характером, выражающимся в тождестве способа реализации деяния и его предмета. В сущности, такое узкое толкование тождественности подразумевает, что любому из реализуемых деяний необходимо подпадать под критерии, установленные в пределах одной нормы статьи Особенной части УК РФ, в которой регламентируется определенный состав деяния. Весьма часто этого подхода придерживаются судебные инстанции. Если умысел не кражу финансовых средств со счета в кредитной организации появился у виновного обособленно от умысла, связанного с кражей смартфона и кошелька, при реализации которой лицо не знало о существовании банковской карты, имеет место совокупность преступлений. Поскольку криминальные действия по этим преступлениям не тождественны, у них не наблюдается общего объекта посягательства.

Тем не менее, можно обнаружить такие решения, где приведена отличная точка зрения на тождественность совершенных актов.

Например, П. совершил кражу сумки у гражданина, который спал. В сумке был смартфон, платежные карты, денежные купюры и прочие вещи. Кроме того, с потерпевшего была снята золотая цепочка. Чуть позднее в этот же день, применив платежную карту, П. снял наличные с банковской карты. По решению суда П. оказался привлечен к ответственности за деяние, регламентированное в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Прокурор не поддержал

вынесенное решение, и в рамках апелляционного представления предусмотрел, что действия виновного ошибочно оценены в качестве единого длящегося деяния, в связи с тем, что изъятие имущества и средств со счета неверно оценивать тождественными актами, в них различен предмет и способ реализации хищения. Вместе с этим, несмотря на то, что они реализованы в один день, время было различным. Однако, апелляционный суд не поддержал прокурора и указал, что действия П. во всех случаях были тайными, а различия в предмете хищения не обосновывают необходимости различной квалификации [4].

Этот подход на наш взгляд весьма целесообразен. Тождественность, обусловленную единством способа реализации деяния в правовом смысле (не в криминалистическом), необходимо очерчивать пределами одной статьи УК РФ. Теоретик А.Н. Кулагин верно отметил, что элементами продолжаемого криминального акта могут служить деяния, ответственность за которые установлена в разных нормах статьи УК РФ [27, с. 9]. Эта позиция отражена и в работах иных авторов, по убеждению которых грабеж и кража не способны составлять продолжаемое преступление, в то время как две кражи – способны [54, с. 7].

Однако, среди исследователей есть те, что придерживаются радикального мнения по исследуемой проблеме. В соответствии с их точкой зрения, продолжаемое посягательство может состоять в т. ч. из разнородных криминальных деяний, в которых присутствуют критерии абсолютно разных составов [56, с. 280]. Здесь внимание обостряется на том, что реализация субъектом схожих действий может свидетельствовать о наличии единого умысла, чье существование возможно доказать иными средствами.

На практике также можно встретить случаи, когда такая позиция находит поддержку. В частности, указывается на возможность квалификации как продолжаемого хищения изъятия имущества и банковской карты при разбое и дальнейшее списание финансовых средств потерпевшего со счета. Например, из материалов дела следует, что действия В. и С. в отношении

гражданина Е. (изъятие из сумки вещей, включая платежную карту, и дальнейшее списание средств со счета) предусматривали единый умысел, им была свойственна непрерывность и они были нацелены на завладение ценностями Е. В связи с этим, вышестоящий суд не увидел в действиях виновных совокупности деяний, наказуемых по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, так как они реализовали единое продолжаемое посягательство [36].

Между тем со стороны судебных органов в основном преобладает другой подход. Например, суд решил, что тайное хищение средств со счета потерпевшего не входит в объективные признаки грабежа, а является обособленным деянием, квалифицируемым по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Говоря иначе, реализованные деяния дифференцируются по критерию объективной стороны – способу реализации хищения [18]. Также правоприменитель отмечает, что деяния не должны рассматриваться как тождественные, так как критерий грабежа состоит в открытом способе хищения, в то время как критерий кражи – в тайном.

Что касается иного критерия продолжаемого хищения (единого умысла для всех деяний), то точки зрения и здесь отличаются. Имеется мнение, что умысел на реализацию всех противоправных действий, образующих продолжаемое деяние, и требуемых для достижения цели, появиться должен до реализации первого. Говоря иначе, «совершение деяния (например, хищения) до тех пор, пока это возможно, т.е. с неконкретизированным умыслом, не позволяет говорить о продолжаемом преступлении» [25, с. 87]. В соответствии с другой позицией, при реализации продолжаемого деяния умысел на дальнейшее действие способен появиться «в процессе совершения предыдущего или с несущественным разрывом во времени» [54, с. 9]. Исходя из этого и практика судов весьма противоречива.

Например, действия Г., связанные с изъятием смартфона и платежной карты реализованы одновременно. Изъяв смартфон, Г. тут же изъявил желание проверить возможность использования мобильного банка. Изъятые имущество

принадлежало одному человеку, финансовые средства со счета выведены сразу после изъятия смартфона, таким образом, эти деяния имеют единый умысел.

В иной ситуации суд предусмотрел, что указав на наличие единого умысла А., совершившего кражу денег со счета и смартфона, не был исследован тот факт, что осужденный знает о вероятности изъятия средств с применением мобильного банка. Кроме того, судом не учтено, что кража финансовых средств имела место в иное время при совсем других обстоятельствах.

По одному из дел апелляционный суд указал, что утверждение виновного по поводу того, что изымая сумку он был уверен в наличии платежной карты, не указывает на присутствие единого умысла, так как обнаружив карту виновный принял обособленное решение о краже средств со счета. Очевидно, что виновный мог и отказаться от их кражи.

Полагаем, что точка зрения, содержащаяся в первом решении, наиболее оптимальная. Продолжаемое преступление имеет место в случае неопределенного умысла, в тех случаях, если «виновный на момент совершения первого из преступных действий точно не знает, сколько и что конкретно он похитит в дальнейшем» [14, с. 17]. Например, если проникший в жилое помещение преступник, завладевая драгоценностями внезапно осознал целесообразность изъятия мебели, что можно сделать только с применением грузового транспортного средства, и раздобыть его виновный пытается в процессе реализации деяния.

Указания в судебных актах на то, что виновному необходимо заранее знать о существовании у потерпевшего платежной карты, видятся недостаточно обоснованными. Хотя безналичные средства сегодня прочно вошли в оборот, необходимость изначальной осведомленности о существовании банковской карты либо мобильного приложения не требуется. Нести ответственность за хищение необходимо и в отсутствии изначальной осведомленности (в том числе о том, что в похищенном кошельке содержатся

наличные средства). Как правило преступник имеет неопределенный умысел, который в том числе распространяется на изъятие электронного платежного средства. Как указано в рамках одного из приговора, доводы виновного по поводу того, что о существовании на банковских картах денег ему стало известно уже после ухода из жилого помещения из сообщений в чужом смартфоне, подтверждают не появление нового умысла, а продолжение единого умысла [35].

В основном о существовании последнего свидетельствует маленький промежуток времени между кражей имущества (в том числе средства платежа) и дальнейшим списанием денег со счета потерпевшего. Исследование практики указывает на тот факт, что период времени, как правило, составляет не более суток после основного хищения. Безусловно, это связано с тем, что преступник не вполне допускает, что в дальнейшем у него сохранится возможность реализовать новое хищение имущества у потерпевшего. Указанный нами период довольно условен, и в каждом случае зависит от обстоятельств деяния. Очевидно, что с течением времени после основного хищения возможность блокировки карты значительно возрастает. В этой связи, попытки перевода средств либо совершения платежа через большой период времени, может рассматриваться подтверждением появления нового умысла.

На единство умысла также указывает такой критерий продолжаемого хищения, как общий источник имущества. Однако, общего подхода к этому критерию не выработано. В частности, один исследователь указывает, что «представляется правильным отождествление понятий источник и потерпевший» [8, с. 19], по убеждению другого, общий источник кражи нередко касается места ее реализации, и это вполне верно [13, с. 32].

Первая точка зрения преобладает в судебной практике, а восприятие источника в качестве места совершения кражи нередко ведет к квалификации деяний по совокупности. Например, апелляционный суд указал, что безналичные средства и смартфон были изъятые из разных источников.

Последний - из квартиры, а безналичные средства – с соответствующего счета за приобретенную в торговой точке продукцию.

Проведя анализ подходов к критериям продолжаемого хищения, следует обратить внимание на важный момент, состоящий в оценке таких ситуаций высшей судебной инстанцией.

Так, виновный совершил кражу из сумки потерпевшей кошелька с картой и наличными средствами. В этот день он также снял с карты 10 тыс. рублей. ВС РФ указал, что совершая кражу кошелька, у виновного не было представлений о наличии банковской карты, и только впоследствии появился умысел на кражу безналичных средств. Соответственно, противоправные действия реализованы с новым умыслом, в ином месте, в иное время. Таким образом, субъект был признан виновным за преступления по п. «г» ч. 2 ст. 158, а также п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [12, с. 114].

Таким образом, позиция высшей судебной инстанцией видится несовершенной исходя из аргументов, указанных нами выше. Выявление после совершения кражи принадлежащего потерпевшему средства платежа, посредством которого виновный завладевает безналичными деньгами, указывает не на появление нового умысла, а на дополнение уже имевшегося. По нашему мнению, такие случаи необходимо квалифицировать как продолжаемые тайные хищения. В целях предотвращения разрозненности судебной практики представляется, что Пленуму ВС РФ целесообразно дать соответствующие разъяснения по поводу квалификации.

3.3 Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за кражу

Недостатки законодательного регулирования, в первую очередь, могут быть связаны с самим базовым понятием хищения. Несмотря на то, что сегодня существует официальное определение хищения, доктрина не оставляет попыток его совершенствования. Исследователи формируют

авторские дефиниции, как правило, путем обособления признаков хищения, число которых у разных теоретиков может отличаться. Законодательное закрепление этого понятия весьма важно с точки зрения теории и практики. Оно способствует дифференциации уголовных посягательств на собственность и привлечению виновных к справедливой ответственности.

Вырабатывая официальное определение хищения, законодатель стремился охватить как можно больше признаков этого криминального деяния. Хищение следует рассматривать как многогранное явление, в процессе его квалификации потребуются разграничить противоправные и правомерные действия. Для установления в содеянном того или иного состава хищения, будет необходимо детально исследовать его специфику, способы совершения, чтобы исключить конкуренцию смежных составов.

Унификация хищения для всего УК РФ способствует появлению коллизий в случаях квалификации содеянного в соответствии с другими главами данного правового акта. В них предусмотрена ответственность за совершение посягательств, объективной стороне которых свойственны специфические признаки, не содержащиеся в унифицированной дефиниции. Соответственно, законодательный подход нуждается в совершенствовании по причине различной правовой природы хищений в составах данных преступлений.

В науке есть мнение, что законодательно закрепленное определение хищения, которое было выведено еще уголовно-правовой теорией советского периода, не соответствует нынешним практическим потребностям. Указывается, что определение излишне обобщено для деяний, посягающих на собственность с корыстной целью, неточно определяет критерии соответствующих преступлений, а это обуславливает правовую неопределенность, которая в уголовном законе не должна иметь место. Нередко правовые нормы, вразрез с принципом законности, используются по аналогии. Обширные законодательные корректировки, касающиеся деяний против собственности, нарушили структурное единство норм,

предусматривающих наказание за имущественные посягательства. Ряд из них обладает неточными формулировками, а, соответственно, они нуждаются в совершенствовании. Как итог, предлагается отказаться от законодательного определения хищения, четко закрепив критерии кражи, присвоения имущества, мошенничества и прочих деяний против собственности. Также предлагается разработанная модель главы УК РФ, регламентирующая ответственность за совершение имущественных преступлений [22, с. 39].

В настоящее время актуализировались вопросы определения признаков, посредством которых можно было бы отграничить кражу от присвоения найденного.

В Постановлении КС РФ № 2-П указано, что объективная сторона кражи найденной чужой вещи, в отношении которой нет оснований считать ее брошенной, выражается сложным деянием. Оно может состоять из завладения конкретным чужим имуществом, которое сопряжено с его утаиванием либо утаиванием его источника, специфических признаков, факта принадлежности иному субъекту, в целях скрытного присвоения или предоставления другим неуправомоченным субъектам, чем наносится ущерб правомерному владельцу этой вещи, а равно из скрытного завладения таким имуществом с аналогичными целями, если завладевший субъект был очевидцем потери и был способен оповестить правомерного владельца об этом факте и обеспечить возврат имущества. Также в Постановлении КС РФ № 2-П сказано, что установленный в нем конституционно-правовой смысл ч. 1 и п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ и ст. 227 ГК РФ, необходимо рассматривать в качестве обязательного, а, соответственно, на практике недопустимо их иное толкование [41].

Как указывают авторы, это положение «практически подменяет собой разъяснение Верховного Суда РФ по вопросу квалификации хищений. Однако проблема в том, что на уровне Верховного Суда такого разъяснения относительно разграничения кражи и находки в настоящий момент нет. И это усугубляло положение дел. В итоге на первое место вышло наиболее

радикальное решение обозначенной проблемы. Но надо понимать, что предложенный Конституционным Судом критерий не был рожден на пустом месте. Обоснование занятой позиции можно было найти и в судебной практике» [62, с. 54].

Таким образом, необходимо уделить внимание критериям кражи найденной вещи, опираясь на которые в настоящее время «присвоение найденного» становится уголовно-наказуемым. Как следует из Постановления КС РФ № 2-П, ими являются следующие:

- вещь заведомо находится в собственности другого субъекта, и нет оснований полагать, что он брошена;
- в состав деяния входит фактическое завладение обнаруженным имуществом;
- завладение сопровождается его утаиванием либо утаиванием его источника, специфических признаков, факта принадлежности иному субъекту (в то же время кражей является и ситуация, если завладевший субъект был очевидцем потери и был способен оповестить правомерного владельца об этом факте и обеспечить возврат имущества);
- цель завладения и утаивания заключается в присваивании вещи либо ее обращении пользу других субъектов;
- совершенное действие наносит ущерб правомерному владельцу соответствующей вещи.

В.В. Хилюта указывает, что «в целом, соглашаясь с расставленными акцентами и предложенными Конституционным Судом критериями, отметим одно особое обстоятельство, на которое и следует обратить внимание, потому как оно меняет «всю картину». Это обстоятельство заключается в том, что кражей теперь признается сокрытие вещи при ее обнаружении и невозвращении собственнику (этот элемент рассматривается как завладение обнаруженной вещью). Но что предполагает само по себе сокрытие вещи в таком понимании? Например, лицо, купаясь в безлюдном месте, нашло в речке

золотое кольцо, и рядом нет никого и нет признаков того, что кто-то вообще мог потерять это золотое кольцо недавно, присваивает его себе, т.е. скрывает вещь и факт ее обнаружения. Должно ли такое действие расцениваться как кража найденного имущества? Или: лицо, находясь в лесу и собирая грибы, нашло у опушки фотоаппарат и также оставило его себе, скрыв факт находки и не сообщив об этом. Имеет ли место здесь преступление, а именно кража найденного имущества в духе понимания Конституционным Судом сокрытия вещи? И если ранее приведенные случаи не идентифицировались правоприменительной практикой как хищение, то означает ли теперь, что подобные случаи будут оцениваться именно как хищение в форме кражи? Судя по тому положению, которое зафиксировано Конституционным Судом, ответ должен быть положительным, хотя некоторые исследователи и оспаривают этот тезис. Однако следует исходить из буквального понимания того, что записано в Постановлении № 2-П. Более того, теперь фактически любые случаи присвоения найденного имущества будут расцениваться как кража, поскольку в таком случае всегда будут иметь место сокрытие факта обнаружения чужой вещи и завладение ею. То есть, буквально понимая, Конституционный Суд «криминализировал» присвоение найденного имущества, и теперь все подобные случаи будут оцениваться как кража» [62, с. 54].

КС РФ обоснование указанного положения видит в том, что «противоправное и активное сокрытие имущества нашедшим его лицом, обусловленная этим недостаточность гражданско-правовых мер по защите прав его законного владельца, общественная опасность его присвоения как крайней формы злоупотребления нашедшим своими полномочиями свидетельствуют о выходе за частноправовые пределы, очерченные статьей 227 ГК Российской Федерации. Признаки такого злоупотребления могут расцениваться в качестве составообразующих признаков преступления, предусмотренного статьей 158 УК Российской Федерации, с учетом тайного способа обращения с потерянной вещью, сокрытия самого факта ее

обнаружения и принадлежности другому лицу» [41]. Это указывает на то, что в настоящий момент любой факт сокрытия обнаружения чужой вещи с последующим ее присвоением (завладением, обращением в свою пользу) образует кражу.

В то же время КС РФ трактует данный момент своеобразно, что у ряда авторов порождает возможность ограничительного толкования критериев кражи. КС РФ предусматривает, что «если вещь утрачена в месте, известном законному владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или получить ее либо по индивидуальным свойствам вещи законный владелец может быть идентифицирован и нет оснований полагать, что вещь является брошенной, то лицо, которое обнаружило такую вещь в подобной обстановке, осознавало или должно было осознавать указанные обстоятельства и при этом не только не предприняло доступных ему мер найти законного владельца вещи, не сдало ее в установленном законом порядке, не обратилось в правоохранительные органы или в органы местного самоуправления с заявлением о находке, но и активно сокрыло вещь для тайного обращения ею в свою пользу или в пользу других лиц, т.е. совершило тайное хищение – кражу» [41].

Такое пояснение все-таки дает основание утверждать, что факт сокрытия ограничен. Понятно, что если лицо нашло вещь и не сообщает, не заявляет и т.п., то оно уже скрывает находку. Однако факт сокрытия не может быть связан просто с умолчанием об обнаруженной вещи. Здесь следует обратить внимание, что КС РФ предлагаются дополнительные критерии (обстоятельства), которые связывают факт сокрытия с определенными обстоятельствами: место утраты; индивидуальные свойства вещи; идентифицирующие признаки; обстановка; лицо непосредственно могло наблюдать факт потери вещи. Это может говорить о том, что сокрытие должно быть активным (и в чем проявляется активность, обозначено в Постановлении № 2-П).

По этому поводу п. 1 резолютивной части предусматривает, что «само по себе невыполнение действий, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 227

ГК Российской Федерации, если в них не содержатся указанные признаки, не дает оснований для привлечения к ответственности за кражу» [41]. Какие же это действия: уведомление о находке владельца имущества; сдача имущества уполномоченному лицу – владельцу помещения или транспорта, если вещь была там найдена; заявление о находке в полицию или в орган местного самоуправления. Иначе говоря, несообщение, несдача, незаявление не могут образовывать признаки кражи, если речь не идет об активном сокрытии с целью последующего тайного обращения находки в свою пользу или в пользу других лиц. В абз. 2 п. 3.1 мотивировочной части Постановления № 2-П указано, что «активное поведение лица, нашедшего вещь (заявление о находке, поиски ее собственника, передача найденного владельцу помещения или транспорта либо его представителю и т.п.), исключает уголовную ответственность за ее хищение и служит законодательно конкретизированным критерием для разграничения правомерного и противоправного деяния. Тем не менее, несовершение таких активных действий, направленных на возвращение имущества владельцу, хотя и является по общему правилу неправомерным, но не предопределяет вывод о наличии признаков преступления» [41].

Авторы указывают, что хотя ситуация неоднозначная, но «ключевым здесь является вопрос об активном сокрытии найденного имущества. И если это так, то сокрытие может быть активным, а может быть и неактивным. Что вкладывается в это понятие (неактивное сокрытие), не совсем пока ясно» [62, с. 56]. Кроме того, в абз. 3 п. 3.2 мотивировочной части Постановления № 2-П предусмотрено, что «если лицо, обнаружившее найденную вещь, наряду с невыполнением (воздержанием от) действий, предусмотренных статьей 227 ГК Российской Федерации, совершает сокрытие найденной вещи (в тайнике, в своих вещах, в одежде, путем передачи другому лицу в целях сокрытия и т.д.) либо сокрытие (уничтожение) признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу (вытаскивает сим-карту из телефона,

снимает чехол и т.д.), то такое активное поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение этого имущества и о наличии корыстной цели, а потому деяние, начавшееся как внешне правомерная находка, может перерасти в преступление, утрачивая признаки правомерности и предполагая уже не судебную защиту, а ответственность» [41].

По мнению исследователей, что касается «ситуации с кольцом и фотоаппаратом, которые были найдены в речке и лесу, это означает, что подобные деяния должны будут оцениваться как кража. Потому как если лицо нашло чужую вещь и присвоило ее себе, то это и есть активное сокрытие, поскольку имеет место факт присвоения (обращения в свою пользу, завладения). Следовательно, неактивное сокрытие – это действия, о которых говорят п. п. 1 и 2 ст. 227 ГК (т.е. несообщение, незаявление, непередача, но никак не завладение). В такой интерпретации теперь любые «находки» будут кражей» [62, с. 56]. Таким образом, Постановление № 2-П вызвало бурные дискуссии как среди теоретиков, так и среди правоприменителей.

Что касается совершенствования законодательства, касающегося уголовной ответственности за кражу, то можно рассмотреть целесообразность корректировки понятия хищения, путем изменения примечания 1 к ст. 158 УК РФ. Так, конструкцию «изъятие и (или) обращение» следует заменить понятием «завладение».

Таким образом, в результате исследования в третьей главе мы пришли к выводу, что для уголовно-правовых целей изъятие, помимо активных действий виновного, направленных на завладение чужим имуществом, охватывает и умышленное утаивание о факте его обнаружения, если имеется возможность оповещения законного обладателя. Устанавливая вероятность оповещения последнего, целесообразно исследовать все аспекты случившегося, специфику имущественных отношений, уровень информированности виновного об обстоятельствах убытия имущества из прежнего законного владения.

Заключение

Термин «хищение» является собирательным, посредством которого характеризуется совокупность криминальных деяний, обладающих комплексом общих критериев. Законодательное закрепление этого понятия весьма важно с точки зрения теории и практики, поскольку оно способствует дифференциации уголовных посягательств на собственность и привлечению виновных к справедливой ответственности. Несмотря на то, что сегодня существует официальное определение хищения, доктрина не оставляет попыток его совершенствования. Выработывая официальное определение хищения, законодатель стремился охватить как можно больше признаков этого криминального деяния. Хищение следует рассматривать как многогранное явление, в процессе его квалификации потребуются разграничить противоправные и правомерные действия. Для установления в содеянном того или иного состава хищения, будет необходимо детального исследовать его специфику, способы совершения, чтобы исключить конкуренцию смежных составов.

Представляется, что унификация хищения для всего УК РФ способствует появлению коллизий в случаях квалификации содеянного в соответствии с другими главами данного правового акта. В них предусмотрена ответственность за совершение посягательств, объективной стороне которых свойственны специфические признаки, не содержащиеся в унифицированной дефиниции. Соответственно, законодательный подход нуждается в совершенствовании по причине различной правовой природы хищений в составах данных преступлений.

Некоторые формы хищений разграничить возможно исключительно опираясь на критерии объективной стороны. Так, кража, грабеж, мошенничество, реализуются умышленно, субъект у данных деяний общий, характеризуются корыстными целями, посягают на один и тот же объект. Соответственно, отграничить данные посягательства друг от друга и

осуществить их верную квалификацию, возможно исходя из объективной стороны, различно описываемой в соответствующих нормах УК РФ.

Конкретные способы совершения хищения обладают разной степенью социальной опасности. Тайное обращение имущества в свою собственность произойдет без контакта виновного с потерпевшим и иными лицами. Их непосредственное столкновение в основном исключено. В то же время, при открытом хищении появляется возможность противостоять виновному, и обусловить возникновение прямого противостояния. В связи с этим можно заключить, что из всех форм хищений кража обладает наименьшей степенью общественной опасности.

Объективная сторона кражи характеризует совершенное деяние в виде тайного изъятия имущества, а также наступившие последствия в виде имущественного ущерба и причинную связь между ними [17]. Исследование ст. 158 УК РФ способствует обособлению ряда критериев объективной стороны кражи: путем совершения действий виновный изымает не принадлежащее ему имущество; изъятие осуществляется тайно, безвозмездно и незаконно; в целях изъятия применяется способ, не связанный с насилием.

В свою очередь, критериями кражи найденной вещи являются следующие: вещь заведомо находится в собственности другого субъекта, и нет оснований полагать, что он брошена; в состав деяния входит фактическое завладение обнаруженным имуществом; завладение сопровождается его утаиванием либо утаиванием его источника, специфических признаков, факта принадлежности иному субъекту; цель завладения и утаивания заключается в присваивании вещи либо ее обращении пользу других субъектов; совершенное действие наносит ущерб правомерному владельцу соответствующей вещи.

Субъектом преступления, квалифицируемого по ч. 1 ст. 158 УК РФ выступает вменяемое физическое лицо, которое на момент его совершения достигло 14 лет (возраста уголовной ответственности). С субъективной стороны кража характеризуется умышленной формой вины. При этом

обязательным признаком рассматривается корыстный мотив и цель. Практика показала, что умысел при совершении кражи может быть нескольких видов, и его верное определение может отразиться на итоговом приговоре суда. Разрозненность практики связана с плохой проработкой правил квалификации покушений на кражу с неконкретизированным умыслом, отсутствием их закрепления в разъяснительных актах Пленума ВС РФ.

Постановление КС РФ № 2-П должно было повлечь сокращение тех случаев, когда, опасаясь наказания, граждане лишь проходят мимо потерянного кем-то имущества, и не делают попыток вернуть его законному владельцу либо доставить в правоохранительные органы. Законодателю необходимо поощрять действия, нацеленные на обеспечение сохранности имущества в обороте, исключить пассивное отношение к чужому имуществу, поскольку в противном случае оно способно не только выбыть из владения на какой-то период, но и лишиться важных физических характеристик, прийти в негодность, а, следовательно, оно будет выведено из оборота и право собственности на него полностью прекратиться.

Между тем на практике этого не случилось, более того, можно наблюдать обратный эффект. В связи с этим представляется, что Пленуму ВС РФ необходимо уделить пристальное внимание и дать детализированные разъяснения по поводу разграничения кражи и находки.

Как направление совершенствования законодательства можно рассмотреть введение в действие обособленной правовой нормы, устанавливающей уголовную ответственность за присвоение найденного имущества. Это во многом могло бы способствовать дифференциации ответственности за соответствующие преступления. В то же время Верховному Суду РФ также следует выразить собственную детализированную позицию по указанному вопросу, более подробно раскрыв критерии, приведенные в рамках Постановления КС РФ № 2-П.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агафонов Р.В. Понятие и признаки хищения, его отграничение от смежных понятий. [Электронный ресурс]. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article9207?ysclid=m6l9xpаnа2952458357> (дата обращения: 25.01.2025).
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 апреля 2023 г. по делу № 10-7993/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1568882&cacheid=EEBED617EE233005D7C2CD0128679EDD&mode=splus&rnd=FycTfA#qpWb5gUd9UUN3yV> (дата обращения: 20.03.2025).
3. Апелляционное определение Мурманского областного суда от 22.08.2019 по делу № 22-1087/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOSZ&n=280775&cacheid=70C689EB442C46C3A8F2B6B31014691B&mode=splus&rnd=FycTfA#KP20TgUqu0I15i761> (дата обращения: 20.03.2025).
4. Апелляционное определение Самарского областного суда от 1 марта 2021 г. по делу № 22-1062/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-63OS0000-22-1062-2021-2021-02-09-2-1/?ysclid=m8oq2b5r91601320401> (дата обращения: 20.03.2025).
5. Апелляционное постановление суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 1 февраля 2018 г. по делу № 22-84/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-89OS0000-22-84-2018-2018-01-11-2-1/?ysclid=m8onfyvwd941222820> (дата обращения: 20.03.2025).
6. Апелляционный приговор Кировского областного суда от 7 августа 2023 г. по делу № 22-1467/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mbsJ0nLc22Qx/?ysclid=m8ivrqiuuk6587365169> (дата обращения: 20.03.2025).

7. Арзамасцев М.В. Кража найденного имущества как уголовно-правовое злоупотребление правомочиями // Уголовное право. 2023. № 3. С. 3-14.
8. Архипов А.В. Единое продолжаемое хищение: проблемы квалификации // Уголовное право. 2017. № 5. С. 45-53.
9. Архипов А.В. Находка или кража: комментарий позиции Конституционного Суда // Уголовное право. 2023. № 7. С. 6-7.
10. Бойцов А.И. Преступления против собственности / отв. ред. Р.М. Асланов, А.И. Бойцов, Н.И. Мацнев. - СПб. : Юридический центр Пресс. 2003. 755 с.
11. Брагина А.Г. Особенности квалификации отдельных видов преступлений. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ. 2024. 132 с.
12. Винокуров В.Н., Ступина С.А. Квалификация хищений с использованием банковской карты: поглощение составов и совокупность преступлений // Современное право. 2024. № 11. С. 113-119.
13. Вишнякова Н.В. Единство умысла как признак продолжаемого хищения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 2. С. 15-23.
14. Вишнякова Н.В. Отграничение продолжаемых хищений чужого имущества от совокупности этих преступлений // Законодательство и практика. 2013. № 1. С. 35-47.
15. Гитинова М.М., Мусаев М.А. Уголовно-правовой анализ кражи // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-2 (63). С. 67-73.
16. Есаков Г.А. Кража и находка: развитие судебной практики после постановления Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П // Российская юстиция. 2025. № 1. С. 7-15.
17. Камалова Д.В. К вопросу об объективной стороне кражи // Молодой ученый. 2020. № 45 (335). С. 35-43.

18. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18 августа 2020 г. по делу № 7У-10055/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=18363&cacheid=ADBD48E67E9F7B4049A6076D8EC41CEE&mode=splus&rnd=FycTfA#iELdTgUG8PZuhalm1> (дата обращения: 20.03.2025).

19. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 сентября 2020 г. по делу № 7У-12417/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=24350&cacheid=AA27DD16E42F85BC11CF447ADCB1BEF4&mode=splus&rnd=FycTfA#LNolSgUAR02KFApy> (дата обращения: 20.03.2025).

20. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 апреля 2020 г. по делу № 77-524/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=8762&cacheid=FFE26DA1F28ABC870CCD8673D53D6CD3&mode=splus&rnd=FycTfA#yjnnSgUWmyAIOEi12> (дата обращения: 20.03.2025).

21. Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / под общ. ред. А.Н. Попова. - С-Пб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ. 2018. 220 с.

22. Клепицкий И.А. Что не так с понятием хищения? // Уголовное право. 2023. № 12. С. 23-40.

23. Корецкий Д.А. Кража, находка, закон и теория уголовного права // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10. № 4. С. 75-83.

24. Корнева А.Н. Объективная сторона кражи // Синергия наук. № 80. 2023. С. 344-349.

25. Коротких Н.Н. Проблемы квалификации преступлений, совершенных в отношении двух или более лиц // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 13-18.

26. Кочои С.М. Преступления против собственности: учебное пособие для магистрантов. М. : Проспект. 2022. 82 с.

27. Кулагин А.Н. Продолжаемые преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2017. 150 с.

28. Кулиев А. И. Корысть – обязательный признак хищения // Уголовное право. 2024. № 6. С. 22-30.

29. Курс советского уголовного права. Часть особенная. Т. 3 / Отв. ред.: Н.А. Беляев., М.Д. Шаргородский. - Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1973. 836 с.

30. Курс советского уголовного права: Государственные преступления и преступления против социалистической собственности. В 6-ти томах: Часть особенная. Т. 4 / Меньшагин В.Д., Пионтковский А.А. М.: Наука. 1970. 432 с.

31. Мордвинова А.С. Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления, связанные с хищением чужого имущества // Молодой ученый. 2024. № 12 (511). С. 250-252.

32. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2023 г. по делу № 34-УД23-2-К3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=767988&cacheid=3633C65C993BD1BA62DBAD869A8CC1F3&mode=splus&rnd=FycTfA#xZeY5gUMpVwV6FL31> (дата обращения: 20.03.2025).

33. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 29 мая 2024 г. по делу № 77-2025/2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=134321&cacheid=A20DF709511E4BE458C723D7E2DB6D32&mode=splus&rnd=FycTfA#DZec5gU6ly0mm5W52> (дата обращения: 20.03.2025).

34. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 октября 2023 г. по делу № 77-5033/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ001&n=149081&cacheid=3511E2CB0F052D34330E0FED346950B6&mode=splus&rnd=FycTfA#PIUc5gUd0WzwYsSI> (дата обращения: 20.03.2025).

35. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.05.2020 № 77-375/2020. [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=7852&cacheid=434633745C46D321368E251E56051A78&mode=splus&rnd=FycTfA#Op8pTgU8y9QFGlko1> (дата обращения: 20.03.2025).

36. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2020 № 77-190/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=6041&cacheid=D174CE2AAC681D70304139FE9AB20967&mode=splus&rnd=FycTfA#bBubTgUdudC5WXoA> (дата обращения: 20.03.2025).

37. Пеек С.Ю. Проблемные аспекты отграничения находки от кражи в отечественном уголовном праве // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве: сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции: в 2 т., Симферополь, 12 декабря 2022 года. Том 2. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал». 2023. 675 с.

38. Попов А.Н. Вина в преступлениях против жизни (ст. ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ): Конспект лекций. СПб.: С.-Петербур. юрид. ин-т (фил.) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. 2016. 156 с.

39. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 апреля 2023 г. по делу № 77-1569/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=98968&cacheid=6262CE9CADBCED29BFFFEA84173D8CF8&mode=splus&rnd=FycTfA#r27a5gUnYMshAUHM> (дата обращения: 20.03.2025).

40. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 7 июня 2023 г. по делу № 77-1903/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=117253&cacheid=5E1FDCC15ACA924CE3587432B5E3D222&mode=splus&rnd=FycTfA#PULc5gUaCdcNIhmu> (дата обращения: 20.03.2025).

41. Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П // Российская газета. № 17. 26.01.2023.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. № 9. 18.01.2003.

44. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Российская газета. № 280. 11.12.2017.

45. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № 5П23 «О возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=h0dng&base=ARB&n=761430#74RsWbUQXit8Dais> (дата обращения: 25.01.2025).

46. Постановление Президиума Самарского областного суда от 20.09.2018 № 44у-270/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=375703&cacheid=B9593B97B5998A060C3E00701FAF4FC6&mode=splus&rnd=FycTfA#golvSgUubair7NfN> (дата обращения: 20.03.2025).

47. Постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17 августа 2023 г. по делу № 77-1916/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=95315&cacheid=1DCA65241D33DF8FF0E3BCF55BCDC8D6&mode=splus&rnd=FycTfA#flmY5gUIVqwc22j71> (дата обращения: 20.03.2025).

48. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26 марта 2024 г. по делу № 77-685/2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ004&n=167235&cacheid=443954D09246F6632E4C654CD71FE9E0&mode=splus&rnd=FycTfA#eqhb5gU0gSoH4VaT2> (дата обращения: 20.03.2025).

49. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 30 марта 2023 г. по делу № 77-1226/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=116302&cacheid=90D206DC59A6C70C39246C898F0F3B42&mode=splus&rnd=FycTfA#mRKY5gUivehkKOG7> (дата обращения: 20.03.2025).

50. Предмет уголовного права и его роль в формировании уголовного законодательства Российской Федерации: научно-практическая конференция, посвященная памяти профессора А.Н. Красикова (25-26 апреля 2002 года) / ред. Б. Т. Разгильдиев. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права. 2002. 112 с.

51. Приговор Балаковского районного суда Саратовской области от 28 июня 2017 г. по делу № 1-267/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-64RS0004-1-267-2017-2017-05-31-2-0/?ysclid=m8oltaxu4l536134936> (дата обращения: 20.03.2025).

52. Приговор Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 25 июня 2019 г. по делу № 1-505/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://actofact.ru/case-12RS0003-1-505-2019-2019-06-06-2-0/?ysclid=m8okfldoo3167692175> (дата обращения: 20.03.2025).

53. Приговор Ленинского районного суда г. Иваново от 20.04.2021 № 1-152/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru>. (дата обращения: 20.03.2025).

54. Пряхина Н.И., Щепельков В.Ф. Об отграничении продолжаемого преступления от совокупности преступлений // КриминалистЪ. 2011. № 1. С. 6-11.

55. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. Монография. С-Пб. : Знание. СПбИВЭСЭП. 2000. 279 с.

56. Силаев С.А. Объективные признаки продолжаемого преступления // Вестник КемГУ. 2013. № 3. Т. 1. С. 280-281.

57. Стрельцов Е.Л. Субъективная сторона преступления. М. : Изд-во Юрайт. 2013. 160 с.

58. Телицын А.А. Субъективные признаки кражи по законодательству Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3. С. 78-82.

59. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учеб. для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. - М. : Статут. 2012. 365 с.

60. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть (учебник) / Под. ред. И.Э. Звечаровского. - М. : «Проспект». 2020. 688 с.

61. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

62. Хилюта В.В. Кража и присвоение найденного: так ли важен способ совершения преступления? // Уголовное право. 2018. № 4. С. 101-108.

63. Хилюта В.В. Сложности квалификации преступлений при установлении альтернативного и неопределенного умысла // Lex russica. 2022. Т. 75. № 6 (187). С. 35-47.

64. Хромов Е.В. Проблемы квалификации неоконченного покушения на кражу с неконкретизированным умыслом // Уголовное право. 2022. № 2. С. 45-57.

65. Хромов Е.В. Проблемы квалификации неоконченных хищений с неконкретизированным умыслом // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 4. С. 44-51.